

В РУКАХ
СУККУБА

МАРИЯ КИРОВА

Мария Кирова

В руках у Суккуба

«Автор»

2026

Кирова М.

В руках у Суккуба / М. Кирова — «Автор», 2026

Один шаг в запретную пещеру — и девятнадцатилетняя Ника оказывается в Люксурии, мире демонов, где людей ненавидят, а желания подчиняют чарами. Но на неё магия не действует. Её прикосновение исцеляет смертельные раны, а единственным союзником становится пленённый инкуб Касиал — опасный, обречённый и слишком близкий. Их связь может остановить войну. Или исполнить пророчество, которое погубит оба мира.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОХОД	5
ГЛАВА 2. ПЕЩЕРА, КОТОРОЙ НЕТ НА КАРТЕ	9
ГЛАВА 3. РАЗЛОМ МИРОВ	13
ГЛАВА 4. СТОЛИЦА В ОГНЕ	17
ГЛАВА 5. КЛЕЙМО ИНКУБА	21
ГЛАВА 6. ПРИГОВОР БЕЗ СУДА	27
ГЛАВА 7. СОСЕД ПО КАМЕРЕ	30
ГЛАВА 8. ИЗМЕННИК КОРОНЫ	37
ГЛАВА 9. КРОВЬ НА КАМНЯХ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мария Кирова

В руках у Суккуба

ГЛАВА 1. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОХОД

– Токарева, убери ногу.

Я смотрю вниз. Мой ботинок прижимает к грязи ремень чужого рюкзака.

– Это не нога, – говорю я. – Это средство фиксации.

– Это тридцать второй размер, который мешает мне жить.

– У тебя вся жизнь впереди, Лер.

– После этого похода – не факт.

Лера дёргает ремень. Я поднимаю ботинок, и она едва не падает назад, в кусты черники. Рюкзак у неё ярко-жёлтый, новый, купленный вчера вечером после двух часов мучений в спортивном магазине. Она выбирала между жёлтым и синим, будто от цвета зависело, съест её медведь или сначала спросит разрешения.

Мы отстаём от группы метров на двадцать. Тропа ползёт вверх между соснами, мокрыми после ночного дождя. В воздухе пахнет хвоей, землёй и дешёвым средством от комаров. Кто-то впереди уже третий раз включает одну и ту же песню на колонке. Припев доносится кусками, потому что владелец колонки то ускоряется, то задерживается возле камней. Максим Сергеевич оборачивается.

– Не растягиваемся!

У него красная ветровка и голос человека, который заранее уверен: никто его не послушает. Он работает инструктором четвёртый сезон, по словам организаторов, знает эти горы лучше собственного подъезда. Вчера на вводном собрании он сорок минут объяснял, почему нельзя сходить с маркированной тропы, потом сам перепутал дверь столовой с кладовкой.

Лера машет ему рукой.

– Мы тут!

– Я вижу, что вы тут. Надо быть там.

Она смотрит на меня.

– Философ.

– Не придирайся. Он старается.

– Ты защищаешь начальство? Кто ты и что сделала с Никой?

Я поправляю лямку. Рюкзак давит на плечи сильнее, чем утром. В него каким-то образом поместились две бутылки воды, свитер, аптечка, дождевик, пачка печенья, запасные носки, зарядка, пауэрбанк и книга, которую я не собираюсь читать. Книгу положила мама. Она уверена, что человек в любой непонятной ситуации должен иметь при себе книгу и таблетки от аллергии.

Телефон в кармане вибрирует. Я достаю его на ходу. Сообщение от мамы: «Вы дошли?» Мы вышли из лагеря двадцать минут назад.

Пишу: «Почти». Это ложь, но не опасная. Маме лучше выдавать правду маленькими порциями, иначе она захлебнётся.

– Опять контроль? – спрашивает Лера.

– Забота.

– У тебя такое лицо, будто разница сомнительная.

Я убираю телефон.

Разница и правда сомнительная, но вслух я этого не говорю. Последние две недели дома всё звучало не так. Мамино «возьми куртку» означало «ты скоро уедешь». Папино «проверь

документы» – «я не знаю, как с тобой разговаривать». Даже бабушка позвонила и вместо поздравлений с поступлением перечислила болезни, которыми можно заболеть в общежитии.

До начала учебного года восемь дней. Восемь дней до другого города, чужой комнаты, соседки, чьё имя я пока знаю только по переписке, и лекций, на которых никто не станет спрашивать, почему я не ем кашу. Я ждала этого с девятого класса. Может, раньше. Теперь внутри сидит маленькое неприятное чувство, будто я забыла дома включённый уют.

Хотя уютом я не пользуюсь.

– Ты передумала? – спрашивает Лера.

– Насчёт чего?

– Уезжать.

– Нет.

– Быстро ответила.

– Потому что вопрос простой.

Она фыркает и поправляет кепку. Лера остаётся в городе. Поступает в колледж дизайнера через две остановки от дома, будет жить с родителями и жаловаться на них ежедневно, с удовольствием, как на любимый сериал. Мы дружим с седьмого класса и последние месяцы обе делаем вид, что расстояние ничего не изменит.

Возможно, так и будет. Возможно, через полгода мы станем присылать друг другу поздравления с праздниками и фотографии кофе. Я не люблю заранее решать, какой вариант правильный.

Тропа становится круче. Разговоры впереди стихают. Каждый пытается отдышаться и найти место, куда поставить ногу. Камни скользкие, корни выступают из земли. Один парень из параллельного класса цепляется шнурком и ругается так выразительно, что Максим Сергеевич делает вид, будто не слышал. Над лесом поднимается серый склон.

Горы здесь не похожи на картинки из туристических буклетов. На картинках они чистые, величественные, с солнечными вершинами. В жизни под ногами хлюпает грязь, комары лезут в глаза, а по спине под футболкой стекает пот. Мне нравится именно это. Не красивый вид, который обещали, а ощущение, что местность не пытается нравиться.

Мы идём ещё час. На первой остановке группа рассаживается вокруг плоской каменной площадки. Кто-то сразу падает на спину, кто-то фотографируется, стараясь не брать в кадр мусорный пакет, привязанный к дереву. Максим Сергеевич проверяет людей по списку.

– Токарева?

– Здесь.

– Орлова?

– Я умерла, – отзывается Лера.

– Мёртвые воду не получают.

Она садится и тянется за бутылкой.

– Я воскресла.

Я устраиваюсь на камне. Он холодный даже через брюки. Перед нами открывается долина: лес спускается тёмными волнами, между ними блестит тонкая река. Облака висят низко, цепляются за дальние вершины. Внизу, где остался лагерь, ничего не видно. Колонку наконец выключают.

Тишина приходит не сразу. Сначала в ушах ещё живёт ритм песни, потом проступают другие звуки: капли падают с веток, ветер трёт верхушки сосен, где-то стучит дятел. Лера шуршит упаковкой батончика. И ещё что-то. Я поворачиваю голову.

Гул очень тихий. Не звук даже, а давление, которое ощущается в зубах. Похож на далёкий двигатель под землёй.

– Слышишь? – спрашиваю я.

– Что?

– Гудит.

Лера перестаёт жевать. Прислушивается.

– Самолёт?

Небо закрыто облаками. Я поднимаю лицо, но ничего не вижу. Гул исчезает.

– Наверное, – говорю я.

Максим Сергеевич достаёт карту. К нему подходят несколько человек. Они спорят, куда идти дальше: основной маршрут размыло дождём, обход добавит два часа.

– Я же говорил, – произносит парень в синей куртке. – Надо было идти к водопаду.

– Ты говорил про канатную дорогу, – отвечает кто-то.

– Это рядом.

– В твоей голове всё рядом.

Я пью воду. Она тёплая и отдаёт пластиком. На камне возле колена ползёт чёрный жук, тащит сухую иголку, в три раза длиннее себя. Он упорно упирается в трещину, отступает, пробует снова. Я подвигаю иголку пальцем. Жук замирает, потом убегает, бросив добычу. Помощь иногда выглядит как нападение. Эта мысль кажется важной пару секунд, потом становится смешной.

– Эй, – Лера толкает меня плечом. – Ты опять куда-то ушла.

– Сиж рядом.

– Глазами ушла.

– Какая поэзия.

Она протягивает мне половину батончика.

– Бери. У меня карамель к зубам липнет.

– Отличная рекомендация.

Я беру. Через десять минут Максим Сергеевич объявляет, что пойдём в обход. По его словам, тропа безопасная, хотя длиннее. Все стонут. Он напоминает, что поход добровольный и можно было остаться в лагере.

– Теперь уже нельзя, – замечает Лера.

– Что нельзя?

– Остаться в лагере.

Максим Сергеевич смотрит на неё, решая, стоит ли отвечать. Не стоит. Он понимает это и сворачивает карту. Мы снова идём. После развилки лес меняется. Сосны становятся выше, между ними меньше кустов, земля покрыта толстым слоем рыжей хвои. Тропа узкая, местами почти исчезает. На деревьях через каждые двадцать метров нарисованы красные метки.

Гул возвращается. На этот раз сильнее. Я останавливаюсь.

Парень позади едва не врежется в меня.

– Чего встала?

– Шнурок.

Я наклоняюсь, хотя шнурок завязан. Жду. Звук доносится слева, из глубины склона. Там между деревьями видны серые валуны, заросшие мхом. Никаких дорог. Никаких строений. Парень обходит меня.

– Догоняй.

Я делаю вид, что перевязываю узел. Группа уходит дальше. Лера останавливается в нескольких шагах.

– Помочь?

– Сейчас.

Гул обрывается, когда она возвращается.

– Ты чего?

– Ничего. Ботинок давит.

– Он утром не давил.

– Утром я была моложе.

Лера смотрит внимательно. Она умеет видеть, когда я вру, но не всегда понимает, зачем.

– Не отставай, ладно?

– Ладно.

Мы догоняем остальных. Дальше я стараюсь не прислушиваться. Разговариваю с Лерой о соседке по общежитию, потом о преподавателях, которых ещё не знаю, потом о том, что она собирается перекрасить волосы в медный. Она показывает фотографию. Цвет ужасный. Я говорю, что интересный. На второй остановке начинается мелкий дождь.

Группа прячется под деревьями, натягивает дождевики. Мой пахнет резиной и старым шкафом. Кто-то раздаёт орехи. Максим Сергеевич проверяет карту и ругается себе под нос: метка на ближайшей сосне почти стёрта, тропа раздваивается. Я снова слышу гул. Теперь он не исчезает.

Он ощущается в земле, в камне, по которому я провожу ладонью. Чёткий, низкий, ровный. Будто где-то за склоном работает огромная машина.

– Здесь шахты есть? – спрашиваю я.

Максим Сергеевич поднимает голову.

– Какие шахты?

– Старые. Или тоннели.

– Нет.

– А пещеры?

Он складывает карту.

– Карстовые полости есть восточнее. На нашем маршруте нет.

– Точно?

– Ника, – вздыхает Лера.

Я смотрю на инструктора.

– Просто звук странный.

Максим Сергеевич прислушивается. Дождь шелестит по капюшонам. Ветки скрипят.

– Ветер в расщелинах, – говорит он. – В горах звук гуляет как хочет.

Готовый ответ. Я киваю, хотя не верю. Не потому, что считаю его лжецом. Он, скорее всего, действительно так думает. Люди часто принимают первое знакомое объяснение, если оно позволяет идти дальше. Я тоже так делаю.

Но не сегодня. Группа сворачивает направо. Красная метка на сосне подтверждает маршрут. Я иду последней, рассматривая склон слева. За деревьями тянется каменная гряда. В одном месте мох лежит иначе – тёмной полосой, будто под ним есть щель. Гул усиливается.

Телефон вибрирует. На экране мамино: «Почему не отвечаешь?» Связь одна полоска. Я пишу: «Всё хорошо. Идём дальше».

Сообщение не отправляется.

– Ника! – кричит Лера впереди.

– Иду!

Я делаю несколько шагов по тропе. Потом останавливаюсь. Нет ничего разумного в том, чтобы сходить с маршрута. Максим Сергеевич объяснял это долго и, пожалуй, убедительно. Камни после дождя скользкие. Связи почти нет. Группа движется быстро, отстать легко. Я знаю все эти пункты.

И всё-таки смотрю на тёмную полосу мха. Гул проходит сквозь меня. Не зовёт. Я бы не назвала это зовом. Просто где-то есть ответ, который мне не дали, и я внезапно не могу идти в другую сторону.

– Сейчас догоню, – говорю я, хотя меня уже никто не слышит.

Схожу с тропы.

ГЛАВА 2. ПЕЩЕРА, КОТОРОЙ НЕТ НА КАРТЕ

Первые десять метров я ещё могу притворяться, что ничего не нарушаю. Тропа видна за спиной. Красная метка на сосне мелькает между ветвями. Голоса группы доносятся отчётливо: кто-то смеётся, Лера просит передать воду, Максим Сергеевич снова считает людей. Я иду параллельно маршруту, просто чуть выше по склону. В любой момент можно повернуть назад. На одиннадцатом метре земля уходит из-под ноги.

Я хватаюсь за ветку, колено бьётся о камень. Ветка хлещет по щеке, когда выскальзывает из пальцев.

– Отлично, – шепчу я.

Боль острая, но терпимая. На брюках остаётся мокрое пятно. Я сажусь на корточки и проверяю колено. Ткань цела. Кожа под ней, похоже, тоже. Голоса впереди становятся тише. Нужно вернуться.

Я поднимаю голову. Каменная гряда теперь близко. Между двумя валунами действительно тянется щель, прикрытая кустами. Из неё идёт тепло. Это чувствуется даже под дождём.

Я выбираюсь выше. Склон крутой. Приходится цепляться за корни, обходить мокрые плиты, которые выглядят надёжными, но сразу скользят под подошвой. Несколько раз я оглядываюсь. Тропа исчезает быстрее, чем должна. Лес одинаковый во все стороны: серые стволы, хвоя, мох.

– Две минуты, – говорю вслух. – Смотрю и назад.

Голос звучит глупо. Телефон показывает шестнадцать минут третьего и отсутствие сети. Я включаю геолокацию. Карта загружена заранее, но голубая точка прыгает по склону, будто не может решить, где я нахожусь. До маршрута, если верить экрану, сорок метров. Я прохожу ещё двадцать.

Вход открывается не сразу. Сначала вижу только чёрную линию под нависающим камнем. Потом отодвигаю мокрые ветки и понимаю, что за ними уходит вниз узкий проход. Пещера. Она не похожа на туристические. Нет ровной арки, таблички, следов костров. Камень словно раскололи изнутри. Края разлома гладкие, почти чёрные. По ним стекает вода, но внутри земля сухая.

Гул идёт оттуда. Я стою, слушаю собственное дыхание. Максим Сергеевич сказал, что пещер на маршруте нет.

Возможно, он просто не знает. Эта мысль доставляет мне слишком много удовольствия. Я включаю фонарик на телефоне и направляю луч внутрь. Свет выхватывает каменный пол, узкие стены, свод высотой чуть больше моего роста. Проход уходит метра на четыре, потом поворачивает.

Слева от входа что-то вырезано. Я наклоняюсь. Символы почти стёрты. Три дуги, пересечённые вертикальной линией. Ниже – круг с разрывом. Ещё ниже камень отколот, но виден край знака, похожего на цветок или пламя.

Провожу пальцами. Резьба неглубокая, старая. В бороздах нет мха. Странно: вокруг всё зелёное, а внутри линий камень чистый. Телефон вибрирует.

Лера.

– Да? – отвечаю я.

Сначала слышу только треск.

– Ты где? – Её голос проваливается, возвращается. – Ника, мы... остановились. Максим тебя...

– Я рядом. Сейчас выйду.

– Где рядом?

Я смотрю в проход.

- Ботинок поправляла, отстала.
- Ты опять врёшь.
- Не опять, а всё ещё.
- Очень смешно. Возвращайся.
- Уже.

Связь обрывается. На экране остаётся значок завершённого вызова. Я выключаю фонарик и оглядываюсь на лес. Дождь усиливается. Ветки, которыми был закрыт вход, качаются, будто кто-то только что прошёл через них. Нужно возвращаться.

Я делаю шаг назад. Из пещеры приходит короткая пульсация света. Неяркая. Синеватая. Она отражается от внутренних стен и тут же гаснет.

Я замираю. Потом включаю запись видео.

– Пещера, – говорю в телефон. – Координаты...

Смотрю на экран. Координаты скачут.

– Координаты потом. Если я сейчас уйду, а Максим Сергеевич скажет, что это просто тень, я...

Я не заканчиваю. Что я? Вернусь завтра? Экскурсия заканчивается утром. В лагере не разрешат уходить одной. Инструктор сюда не поведёт, особенно после того, как обнаружит пропажу человека. Свет появляется снова.

За поворотом. Я захожу внутрь. Первые шаги даются легко. Пол сухой, ровный. Тепло усиливается. Пахнет не сыростью, а нагретым камнем и чем-то металлическим. Как в мастерской, где отец иногда чинит старый мотоцикл.

У поворота я останавливаюсь и оглядываюсь. Вход – светлый прямоугольник среди темноты. До него несколько шагов. Я поворачиваю дальше.

Проход расширяется. На стенах появляются новые символы. Они идут полосой на уровне плеча: круги, линии, угловатые фигуры. Некоторые напоминают буквы, но ни одного знакомого алфавита я не узнаю.

В школе я однажды неделю читала про древние письменности, потому что учительница истории показала нам фотографию Розеттского камня. Потом тема ушла, начались экзамены. Я помню клинопись, египетские знаки, немного знаю о рунах. Здесь ничего похожего. Я снимаю стены на видео. Телефон нагревается в ладони.

– Не понимаю, – произношу я.

Гул меняется. На секунду мне кажется, что он отвечает. Я смеюсь. Коротко, без веселья.

– Всё. Хватит.

Разворачиваюсь. Входа не видно. Я стою перед прямой каменной стеной.

Сначала думаю, что перепутала направление. Освещаю проход позади, потом справа, слева. Стены те же, символы те же. Поворот должен быть в трёх шагах, но его нет. Только гладкий тёмный камень. Сердце начинает биться быстрее.

– Нет.

Я возвращаюсь назад, касаясь стены рукой. Поверхность тёплая. Никакой щели. Никакого поворота. Телефон показывает семнадцать минут третьего. Связи нет.

Я пытаюсь позвонить Лере. Вызов не идёт. Пишу сообщение: «Я в пещере слева от тропы. Вход за каменной грядой». Не отправляется. Прикладываю ухо к стене. С другой стороны ничего.

– Спокойно.

Слово помогает примерно никак. Я вспоминаю советы из статей о пещерах. Не паниковать. Экономить заряд. Не идти глубже без необходимости. Отмечать путь. Всё это полезно, если путь не закрывается камнем за спиной. Я провожу ногтями по стене. Камень не похож на обвал. На полу нет крошки. Он просто здесь, как будто был всегда.

Гул проходит под ладонью. Я отдёргиваю руку. Синий свет снова вспыхивает в глубине.

Другого пути нет. Это не значит, что нужно идти туда. Можно ждать. Группа заметила пропажу. Максим Сергеевич вернётся, найдёт следы и вход. Если вход снаружи остался. Я сажусь у стены.

Достаю бутылку, делаю глоток. Вода тёплая. Руки дрожат, поэтому крышка падает и катится по полу. Я ловлю её у ботинка. Телефон показывает шестнадцать минут третьего. Я смотрю внимательнее.

Минуту назад было семнадцать. Экран моргает. Пятнадцать минут третьего.

– Очень смешно.

Я открываю настройки времени. Автоматическое определение выключается само. Цифры меняются на четырнадцать пятьдесят девять, затем снова на пятнадцать шестнадцать. Заряд – семьдесят два процента. Через секунду – восемьдесят один.

Я выключаю телефон. Тишина становится плотнее. Без света видна только синяя пульсация далеко впереди. Она загорается через равные промежутки, как дыхание спящего. Я жду.

Считаю до ста. Потом ещё раз. Никто не приходит. Кричу. Сначала имя Леры, потом Максима Сергеевича. Эхо возвращает мой голос странно искажённым: не повторяет слова, а растягивает гласные. Через несколько секунд из глубины приходит другой звук. Тихий звон, будто стекло касается стекла.

Я включаю телефон. Заряд пятьдесят девять процентов. Время – ноль часов. Фонарик работает. На стене напротив появляются новые линии.

Я уверена, что их не было. Рисунок занимает почти всю плиту. Две высокие фигуры стоят по сторонам круга. У обеих из голов поднимаются изогнутые рога. Между ними маленькая фигура без рогов протягивает руки к центру. Под изображением вырезаны три знака.

Последний – цветок. Я касаюсь его. Камень под пальцами холодный.

Гул обрывается. Так резко, что уши закладывает. В тишине раздаётся шёпот.

Не из глубины. Рядом. Я поворачиваюсь, освещаю проход. Никого.

– Кто здесь?

Ответ приходит на незнакомом языке. Женский голос произносит одно длинное слово, мягкое в начале и резкое в конце. Я отступаю.

– Я не понимаю.

Голос повторяет. На этот раз в нём слышится вопрос.

– Не понимаю, – говорю громче. – Я заблудилась. Мне нужен выход.

Свет загорается. Синий отблеск разливается по проходу, и я впервые вижу, насколько далеко он уходит. Стены расходятся, свод поднимается. Впереди открывается зал. Я стою на месте ещё несколько секунд.

Потом иду. На полу появляются трещины. Из них растут тонкие белые нити, похожие на корни. Они светятся изнутри. Я стараюсь не наступать, но одна нить сама отодвигается от подошвы.

– Нет, – говорю я.

Она замирает. Я тоже. Если расскажу об этом Лере, она решит, что я ударилась головой. Максим Сергеевич вызовет спасателей, спасатели – врача. Мама приедет раньше всех и больше никогда не отпустит меня даже в магазин.

Эти мысли привычные, бытовые. За них удобно держаться. Зал круглый. Стены теряются в темноте. В центре из пола поднимается каменный столб высотой по пояс. На нём лежит осколок размером с кулак. Он и светится.

Камень прозрачный, но внутри движется мутное сияние. Оно собирается в прожилки, распадается, снова собирается. Иногда кажется синим, иногда белым. В его глубине мелькают красные точки. По краям постамента вырезаны знаки. Один я уже видела у входа: три дуги и линия. Другой похож на раскрытый глаз. Третий – на розу с семью лепестками.

Я обхожу постамент. За ним лежит скелет. Человеческий. По крайней мере, почти. Череп вытянут, на лбу два небольших выступа. Кости рук длиннее обычных. На одном запястье сохранился металлический браслет.

Я отступаю так быстро, что цепляюсь пяткой за трещину. Телефон выскальзывает. Падает экраном вниз.

– Чёрт.

Поднимаю его. Стекло цело, но фонарик гаснет. Камень освещает скелет снизу. Пустые глазницы становятся глубокими. На полу возле костей лежит круглая пластинка. Я наклоняюсь, не подходя близко. На ней тот же знак цветка.

Шёпот возвращается. Теперь он идёт от осколка. Женский голос произносит слово. Потом ещё одно.

Я слышу своё имя.

– Ника.

Это звучит не совсем правильно. Ударение смещено, гласная тянется. Но это моё имя. Я не отвечаю. Осколок вспыхивает.

За спиной что-то скребётся. Я оборачиваюсь. Белые нити поднимаются из трещин. Медленно, как трава под водой. Они перекрывают проход, сплетаются в решётку. Я бросаюсь к ним.

Пытаюсь раздвинуть. Нити мягкие, но не рвутся. На коже остаётся холодный след. Чем сильнее тяну, тем плотнее они сцепляются.

– Отпусти!

Свет за спиной становится ярче. Я бью по нитям бутылкой. Пластик мнётся. Вода выплёскивается на пол. Белые корни впитывают её мгновенно. Шёпот произносит моё имя снова.

Гул возвращается одним ударом. Я падаю на колени. Телефон выскальзывает в трещину. Успеваю схватить его за край, ладонь скользит по камню, кожу режет острый выступ. Боль вспыхивает от основания большого пальца до запястья.

Кровь капает на белую нить. Та краснеет. Все остальные одновременно поворачиваются ко мне.

Я отшатываюсь. Красная полоса бежит по корням к постаменту. Достигает основания. Знаки вспыхивают один за другим. Камень в центре зала темнеет, а потом становится алым.

Шёпот исчезает. Вместо него я слышу множество голосов. Мужские, женские, детские. Они говорят на разных языках, перекрывают друг друга. Среди них на мгновение слышится русская речь:

– Рука.

Я смотрю на порез. Кровь течёт по ладони.

– Что?

– Рука, – повторяет голос.

Надо отойти. Сесть у стены. Перевязать порез. Ждать спасателей, обвала, пробуждения – чего угодно, что вернёт миру обычные правила. Я делаю шаг к постаменту. Потом ещё один.

Скелет лежит рядом. Его пальцы вытянуты в сторону осколка, будто он тоже пытался дотронуться.

– Это плохая идея, – говорю я.

Никто не спорит. Поднимаю раненую ладонь. Алый свет скользит по коже. И касаюсь камня.

ГЛАВА 3. РАЗЛОМ МИРОВ

Мир не взрывается. Он складывается. Стены зала сдвигаются, становятся плоскими, как декорации. Постамент вытягивается в тонкую линию. Моя рука остаётся прижатой к камню, хотя камня уже нет. Я вижу собственные пальцы сразу с нескольких сторон и успеваю подумать, что у большого ногтя неровный край.

Потом пропадает звук. Не становится тихо. Тишина тоже звук, когда в ней слышно дыхание. Здесь нет ничего. Я открываю рот и не чувствую, что воздух проходит через горло. Свет меняется.

Алый превращается в белый. Белый – в чёрный. Чёрный оказывается глубиной, где висят крошечные точки. Они похожи на звёзды, только каждая движется. Одна точка приближается. Внутри неё город.

Высокие стены, башни, мосты между крышами. Над городом две луны. По улицам бегут существа с крыльями. Нет, не с крыльями – с плащами. Картина поворачивается, и я вижу поле, усыпанное телами. Точка проходит сквозь меня. Другая приближается.

Мама ставит на кухонный стол тарелку сырников. Я сижу напротив, мне лет девять. За окном февраль, батарея стучит, папа спорит с кем-то по телефону. Мама говорит: «Не ешь варенье ложкой». Я тянусь за банкой. Я знаю, что этого не было. В девять лет мы жили в другой квартире. На той кухне не было окна.

Точка лопается. Следующая. Лера стоит на тропе и кричит моё имя. Максим Сергеевич идёт назад, светит фонарём под кусты. Дождь уже сильный. На его красной куртке тёмные пятна. Лера плачет и злится на себя за это.

Я тянусь к ней. Руки нет. Тела нет.

Есть только движение между тем, чему не полагается соприкасаться. Чужие голоса проходят рядом. Иногда они произносят слова, иногда оставляют ощущения. Голод. Страх. Восторг. Чья-то любовь такая сильная, что кажется болезнью. Чья-то смерть, быстрая и удивлённая. Я пытаюсь закрыться, хотя закрываться нечем.

Тогда появляется боль. Сначала ладонь. Порез горит. Потом плечи, спина, колени. Тело возвращается по частям, и каждая требует внимания. Воздух врывается в лёгкие. Я кричу.

Звук выходит сразу во всех направлениях. Что-то хватает меня за запястье. Пальцы холодные, длинные.

Я открываю глаза.

Передо мной слепая женщина, которую я никогда не встречала. И всё же я узнаю исходящее от неё ощущение: тот же холодный зов шёл от алого камня в пещере. Белые глаза неподвижны, на губах кровь. Одной рукой она держит меня, другой прижимает к груди маленький зуб.

– Поздно, – говорит она.

По-русски.

– Что?

– Для меня.

Её лицо трескается. Под кожей нет плоти. Там огонь. Я отдёргиваю руку и падаю.

На этот раз по-настоящему. Земля бьёт в бок, выбивает воздух. Я перекачиваюсь по камням, цепляюсь ладонями, останавливаюсь у колючего куста. Несколько секунд лежу, не понимая, где верх. Пахнет пылью и дымом.

В ухо впивается острый камешек. Я сажусь. Надо мной багровое небо.

Не закат. Цвет ровный, глубокий, тёмно-красный от горизонта до горизонта. Облака почти чёрные, тонкие, вытянутые. Между ними висят две луны: одна большая, серебряная, другая меньше и отликает медью. Я смотрю на них долго. Мозг пытается найти объяснение.

Оптический эффект. Двойное изображение после удара. Какая-то планета рядом с луной. Рекламный купол. Сон.

Большая луна частично закрывает малую. У обеих видны кратеры. Я опускаю взгляд.

Пещеры нет. Я лежу на каменистом склоне среди низких кустов с тёмно-фиолетовыми листьями. Чуть ниже тянется равнина. Вдали поднимаются стены города. Огромного.

Башни похожи на чёрные иглы. Между ними горят огни. Над одной частью города поднимается дым. Где-то гремит. Звук приходит с задержкой. Низкий удар, потом россыпь более мелких.

Я вскакиваю. Мир качается. Перед глазами темнеет. Приходится схватиться за куст. Листья под пальцами холодные и гладкие, но на краях у них мелкие зубцы. Один царапает кожу. Старый порез на ладони стянут прозрачной плёнкой, словно ему несколько дней, а по краям тянется тонкая алая линия.

Я рассматриваю руку. Кровь осталась – тонкая засохшая линия от большого пальца к запястью. Под ней виден гладкий след, слишком ровный для обычного заживления.

– Нет.

Говорю тихо, потому что говорить громче страшнее. Проверяю карманы. Телефон на месте. Экран треснул теперь по-настоящему, от угла идёт белая паутина. Нажимаю кнопку. Ничего.

Ещё раз. На секунду появляется логотип, потом экран гаснет.

– Давай.

Телефон молчит. В рюкзаке вода, аптечка, дождевик. Всё на месте, только бутылка помята и почти пуста. Я надеваю рюкзак, хотя не знаю зачем. Привычное действие немного возвращает ощущение, что я существую. Снова гремит.

На равнине вспыхивает свет. Белая дуга поднимается к городской стене, ударяется о неё и рассыпается искрами. Через несколько секунд до меня доходит звук. Это не гром. Там идёт бой.

Я пригибаюсь, хотя расстояние огромное. По дороге к городу движутся тёмные точки. Сотни. Некоторые несут огни. У стены вспыхивают новые дуги, зелёные и красные. Одна башня дымится. Мне нужно уйти в другую сторону.

Я оборачиваюсь. За спиной поднимаются горы. Чёрные, острые, без леса. Между склонами лежит туман. Ни домов, ни дорог. Только камни и странные кусты. Город опасен.

Горы неизвестны. Я выбираю город. Не потому, что это разумно. Люди – или те, кто там живёт, – могут помочь. Или убить. В горах, скорее всего, не будет никого, и это внезапно кажется страшнее.

Спускаюсь со склона. Камни сыплются из-под ботинок. Ноги дрожат после падения. Болят рёбра слева. Когда дышу глубоко, под кожей колет. Возможно, ушиб. Возможно, трещина. В аптечке нет ничего, что поможет от трещины, зато есть пластырь с жирафами. Мама купила детский набор, потому что обычный закончился. Я тогда смеялась. Сейчас почему-то хочется плакать именно из-за жирафов.

Я не плачу. До равнины добираюсь минут за двадцать. Время определяю приблизительно: телефон не работает, небо не меняется. Багровый свет идёт отовсюду, теней почти нет. На земле растёт жёсткая серая трава. Она хрустит под ботинками, как сухая бумага. Между стеблями попадаются круглые чёрные камни. Один шевелится. Я останавливаюсь.

Камень раскрывает тонкие лапки и быстро убегает.

– Хорошо.

Мой голос тонет в открытом пространстве.

– Просто хорошо.

Дорога к городу вымощена тёмными плитами. На некоторых вырезан знак цветка. Тот же, что был в пещере. Я присаживаюсь, касаюсь борозды. Камень холодный.

Гул больше не слышен. Вдали кричат. Я поднимаюсь.

По дороге иду быстрее. С каждым шагом город становится больше, но расстояние почти не сокращается. Стены выше многоэтажного дома. Перед ними раскинулся лагерь: палатки, костры, деревянные заграждения. Оттуда летят световые дуги. У дороги темнеют человеческие фигуры. Я замечаю их слишком поздно.

Трое лежат в серой траве. Один на спине, двое ничком. На них металлические нагрудники и серо-белые плащи. Рядом валяются мечи. Настоящие мечи. Я останавливаюсь в нескольких шагах.

Первый мужчина молод. Светлые волосы слиплись от крови. Глаза открыты, смотрят в багровое небо. На шее тёмный след ожога. Второй старше. Под его рукой растеклась лужа, почти чёрная при этом свете. Третий шевелится.

Я отступаю, потом всё равно подхожу. Он лежит лицом вниз. Из спины торчит короткая стрела с чёрным оперением. Плащ пропитан кровью. Пальцы скребут по плите.

– Вы меня слышите?

Глупый вопрос. Он может не знать русского. Он может быть не человеком. Мужчина поворачивает голову. Лицо человеческое. Грязное, бледное. На щеке шрам.

– Эй, – я опускаюсь рядом. – Не двигайтесь.

Он смотрит на меня мутными глазами. Губы шевелятся.

– Что?

Мужчина произносит несколько слов. Язык незнакомый, резкий. Последнее слово повторяет дважды.

– Я не понимаю.

Он видит мою одежду. Взгляд опускается к рюкзаку, к рукам. Потом резко расширяется. Мужчина хватается меня за запястье. Силы в нём больше, чем должно быть.

– Отпустите.

Он тянет меня ближе и произносит другое слово. В голосе страх. Смотрит не на меня, а мне за спину.

Я оборачиваюсь. Над травой движется тень. Сначала кажется, что это большая птица. Потом она опускается, и я вижу женщину в чёрных доспехах. За её спиной раскрыты кожистые крылья. Настоящие, широкие, тёмные, с тонкими красными прожилками.

Она касается земли босыми ногами. На висках у неё сквозь волосы выступают небольшие изогнутые рога. Мужчина рядом кричит.

Крылатая женщина поднимает руку. Красный свет ударяет его в грудь. Тело дёргается, пальцы разжимаются на моём запястье. Он больше не двигается. Я остаюсь на коленях.

Женщина смотрит на меня. У неё чёрные глаза без белков. Красивое лицо, слишком спокойное для того, кто только что убил человека. На губе тонкий порез. В руке короткое копьё. Она говорит.

Я качаю головой.

– Не понимаю.

Женщина подходит ближе. Крылья складываются за спиной. От неё пахнет дымом, горячим металлом и чем-то сладким, похожим на перезрелую вишню. Она касается пальцем моего подбородка, заставляет поднять лицо. По телу проходит тепло.

Не обычное. Оно собирается внизу живота, поднимается к груди, размягчает мышцы. На секунду мне хочется довериться ей. Сказать всё. Прижаться щекой к её ладони. Мысль чужая и одновременно моя. Я отшатываюсь. Тепло исчезает.

Женщина замирает. Её глаза становятся шире. Она повторяет жест, теперь кладёт ладонь мне на лоб. Красный свет тонкой плёнкой проходит по коже.

Ничего. Я слышу, как она резко втягивает воздух. За её плечом появляются ещё двое. Мужчина и женщина в таких же доспехах. У мужчины рога длиннее, загнуты назад. Крыльев нет. Женщина держит лук.

Они говорят быстро. Смотрят на меня так, будто я сделала что-то невозможное.

– Я не знаю, где я, – говорю я. – Мне нужна помощь.

Мужчина отвечает. Потом ударяет меня рукоятью меча в живот. Я сгибаюсь. Воздух выходит. Колени скользят по плите.

Крылатая женщина что-то резко говорит ему. Он пожимает плечом. Мне заламывают руки. На запястьях защёлкивается единый металлический обруч, стягивающий обе руки. От металла идёт холод. Я пытаюсь вырваться.

– Не трогайте меня!

Женщина с луком приставляет наконечник стрелы к моей шее. Я замираю. Над городом вспыхивает белая дуга. Стена отвечает красным огнём. Земля вздрагивает.

Крылатая поднимает меня за плечо и толкает вперёд. Мы идём к городу. По дороге лежат тела людей и существ с рогами. В траве горят остатки повозки. Где-то справа стонет раненый. Никто не останавливается.

Чем ближе стены, тем громче бой. Я вижу огромные ворота, укреплённые металлическими пластинами. Над ними высечен цветок с семью лепестками. Знак из пещеры.

Одна створка приоткрывается. Изнутри выбегают стражники. Крылатая женщина кричит им что-то, показывает на меня. Все поворачиваются. На лицах сначала недоумение.

Потом страх. Меня вталкивают за ворота. Прежде чем створки смыкаются, я успеваю увидеть равнину, человеческий лагерь и две луны над ним. Большая серебряная. Малая медная.

И понимаю, что назад дороги нет.

ГЛАВА 4. СТОЛИЦА В ОГНЕ

За воротами меня встречает не город.

Сначала – узкий каменный проход между двумя стенами. Вверху горят красные чаши, подвешенные на цепях. Пламя мечется от каждого удара снаружи, но не гаснет. Под ногами решётка. Сквозь неё видна чёрная вода, и оттуда тянет сыростью, золой и чем-то сладким, уже знакомым по запаху крылатой женщины.

Она идёт сзади, подталкивая меня древком копья. Впереди мужчина с загнутыми рогами выкрикивает слова. Из боковой ниши появляются четверо стражников. Двое закрывают внутренние ворота, остальные поднимают цепь. Механизм приходит в движение с таким скрежетом, что я зажимаю уши связанными руками. Никто не обращает внимания.

Створки за моей спиной сходятся. Гул битвы становится тише, но не исчезает. Он переходит в камень. Стена дрожит, с потолка сыплется мелкая пыль. Один из красных огней вытягивается горизонтально, будто его тянет невидимый ветер. Мужчина впереди оглядывается и говорит что-то крылатой. Та отвечает коротко. Он смотрит на меня.

В его взгляде нет любопытства. Только раздражение. Я вспоминаю человека на дороге. Как его пальцы разжались после красной вспышки. Мне хочется спросить, зачем она его убила. Сказать, что он был ранен, что его можно было взять в плен, что он уже никому не угрожал. Но спрашивать бесполезно. Они меня не понимают.

И, возможно, понимают достаточно. Нас выпускают во внутренний двор. Там Люксурия всё-таки становится городом.

Я вижу её сразу целиком, но не могу ничего рассмотреть. Улицы уходят вверх по склону, одна над другой. Дома сложены из тёмного камня и соединены переходами, лестницами, арками. Над крышами поднимаются башни с острыми вершинами. Между ними натянуты цепи, на цепях качаются фонари. Высоко, почти у самого дворца, горит огромное изображение цветка с семью лепестками. Но первое, что замечаешь, – не башни.

Людей. Нет, не людей. Я ещё не знаю, как их называть.

Они заполняют двор. Рогатые мужчины и женщины в доспехах, старики в длинных одеждах, подростки с ведрами, дети, которых никто не успел увести. У некоторых за спиной сложены крылья. У других кожа покрыта тонкими узорами, светящимися под багровым небом. Большинство выглядят почти по-человечески, если не считать глаз, рогов и слишком острых ушей.

На земле лежат раненные. Их много. Кого-то перевязывают прямо на камнях. Женщина с обломанным рогом зажимает ладонями живот молодого стражника. Между её пальцами течёт тёмная кровь. Рядом мужчина без крыла сидит, прислонившись к стене, и смотрит на пустое место у плеча. Крыло лежит неподалёку, накрытое серой тканью.

Над двором снова гремит. Все пригибаются одновременно. Я тоже.

Белый свет ударяет в верхний край стены. Камень вспыхивает, по зубцам пробегают синие искры. С башни кричат. Через несколько секунд вниз падает что-то горящее. Стражники бросаются в сторону. Крылатая женщина хватается за ворот дождевика и тащит к стене. Горящий обломок врежется в мостовую там, где я стояла. Камни разлетаются. Один ударяет меня по голени.

Я вскрикиваю. Женщина отпускает ворот и оглядывает меня с головы до ног. Убеждается, что я могу стоять. Потом снова толкает вперёд. Спасибо она не ждёт.

Мы проходим мимо раненных. Кто-то замечает меня. Сначала пожилая женщина с белыми рогами. Она смотрит на мои кроссовки, джинсы, лицо. Её рот приоткрывается. Она дёргает за рукав мужчину рядом.

Он оборачивается. По двору расходится тишина. Не настоящая: стонут раненные, гремит стена, звенит оружие. Но разговоры вокруг меня стихают. Головы поворачиваются одна за другой.

Кто-то произносит слово. Я слышала его на дороге. Ещё один повторяет.

Слово короткое. В нём есть хриплый звук, будто человек подавился. Мужчина с загнутыми рогами отвечает резко. Люди расступаются. Я иду между ними.

Они смотрят на меня так, как смотрят на змею, оказавшуюся в детской кроватке. Один стражник вынимает меч. Женщина рядом удерживает его за руку. Маленький мальчик прячется за юбкой матери, но продолжает выглядывать. У него один рог короче другого. Я почему-то запоминаю именно это.

В конце двора нас встречает ещё один отряд. Их доспехи чище, на груди серебряный знак розы. Старший что-то спрашивает. Крылатая отвечает и показывает на мои связанные руки. Потом касается пальцами собственного виска. На её ладони вспыхивает красная искра.

Старший бледнеет. Я не ожидала, что существа с чёрными глазами умеют бледнеть. Окажется, умеют. Он отступает на полшага и приказывает что-то подчинённым.

Мне на шею набрасывают цепь.

– Нет.

Я хватаюсь за неё обеими руками. Металл холодный, тяжёлый. Стражник дёргает. Кольцо сжимает горло.

– Я и так иду.

Он не понимает слов, но понимает сопротивление. Выкручивает цепь сильнее. Крылатая женщина отталкивает его руку. Они спорят.

Она говорит спокойно, он всё громче. Мужчина с загнутыми рогами вмешивается. В конце концов цепь оставляют на шее, но ослабляют. Её свободный конец держит новый стражник с серебряной розой на груди. Крылатая снимает перчатку. На её ладони ожог. Свежий, края кожи почернели. Наверное, получила у ворот.

Она замечает мой взгляд и сжимает пальцы.

– Ты ранена, – говорю я, хотя это очевидно.

Женщина не отвечает. Я показываю на ладонь, потом на свою аптечку за плечом. Стражник с цепью резко дёргает меня назад.

Крылатая смотрит на рюкзак. Произносит одно слово. Мужчина снимает его с меня.

– Осторожно!

Он выдёргивает лямку так, что ткань трещит. Я пытаюсь схватить рюкзак. Цепь натягивается. Мужчина расстёгивает молнию и вываливает содержимое прямо на землю.

Бутылка катится под ноги. Пачка печенья падает в пыль. Дождевик, свитер, носки, аптечка, книга, зарядка. Моя жизнь за последние сутки выглядит жалко, если разложить её на камнях чужого города. Стражники приседают. Один поднимает пауэрбанк, вертит в руках. Другой вытаскивает из бокового кармана наушники и отшатывается, когда провод разматывается. Женщина с луком находит паспорт.

Она открывает его. На фотографии я смотрю недовольно. Мне шестнадцать, чёлка лежит криво, мама только что сказала не сутулиться. Женщина сравнивает фотографию с моим лицом.

Говорит что-то крылатой. Та забирает паспорт, листает страницы. Проводит пальцем по буквам. Потом подносит его к носу, словно бумага может выдать происхождение.

– Верните.

Я протягиваю руки. Она отходит. Стражник поднимает телефон. Нажимает кнопку. Экран не включается. Он постукивает им по ладони и вопросительно смотрит на остальных.

– Не разбей.

Он бросает телефон старшему. Тот не успевает поймать. Аппарат падает на камень.

– Да вы издеваетесь?

Я рвусь вперёд. Цепь режет шею. Стражник ударяет меня под колено, и я падаю. Крылатая что-то кричит. На этот раз все замирают.

Она поднимает телефон сама. На экране появляется слабая белая линия и тут же гаснет. Женщина смотрит на своё отражение в чёрном стекле. На секунду её лицо меняется – не страх, не удивление. Она будто видит себя впервые и не уверена, что отражение ей нравится. Потом кладёт телефон в мой рюкзак.

Остальные вещи тоже собирают, уже осторожнее. Печенье остаётся на земле: упаковка лопнула, несколько крошек прилипли к мокрому камню. Один из детей подбирает целое печенье. Мать выбивает его из руки.

Я отвожу взгляд. Нас ведут дальше, вверх по улице. Город построен так, будто его жители не знают слова «ровно». Лестницы то сужаются, то расходятся в две стороны. Дома нависают над мостовой. Некоторые двери находятся на высоте человеческого роста, к ним ведут металлические ступени. Между крышами пролетают крылатые стражники.

На каждом перекрёстке баррикады. Жители носят камни, воду, стрелы. Никто не кричит без причины. Даже дети двигаются быстро и знают, куда идти. Только я мешаю этому порядку. Из-за меня отряды останавливаются, стражники спорят, люди прижимаются к стенам. Несколько раз звучит тот же хриплый возглас.

Человек. Я начинаю узнавать его. Они называют меня человеком.

На площади стоит статуя женщины с расправленными крыльями. Одну руку она держит на груди, вторую протягивает к земле. Лицо разбито ударом – то ли недавно, то ли много лет назад. У ног лежат свежие цветы, тёмно-красные, почти чёрные. Рядом работают лекари.

Они стоят вокруг раненого, проводят над его телом светящимися ладонями. Красные нити входят в грудь, пульсируют. Раненый кричит, выгибается. Один лекарь падает на колени. Другой продолжает. Крылатая женщина снова смотрит на обожжённую ладонь. Я показываю на аптечку.

– Там мазь. Повязка.

Она не понимает. Я киваю на её руку и показываю, как наматывают бинт. Женщина долго смотрит на меня. Потом коротко говорит старшему.

Он открывает рюкзак, достаёт аптечку. Пластиковый футляр вызывает у него меньше интереса, чем можно было ожидать, потому что над площадью опять вспыхивает свет. Крылатая забирает коробку. Я пытаюсь объяснить жестами. Показываю на защёлку.

Она открывает коробку. Внутри бинты, антисептик, таблетки, пластыри с жирафами. Женщина вынимает один пластырь. Рассматривает жёлтого жирафа на голубом фоне.

Её губы дёргаются. Почти улыбка. Она сразу подавляет её, будто это нарушение приказа.

Я беру антисептик. Стражник не даёт. Крылатая отмахивается от него и протягивает мне ладонь. Цепь на шее остаётся. Руки скованы вместе, но я могу двигать пальцами. Ожог глубокий. Я не врач. В аптечке нет ничего серьёзнее спрея и стерильной салфетки. Всё равно промываю края, накладываю повязку.

Когда антисептик попадает на кожу, женщина вздрагивает.

– Потерпи.

Она слышит тон и не отнимает руку. Пальцы у неё длинные, ногти тёмные. На внутренней стороне запястья тонкая татуировка: семь лепестков вокруг вертикальной линии. Пока я бинтую, остальные смотрят.

Не с прежним страхом. Теперь иначе. Хуже. Будто пытаются понять, зачем враг помогает.

Я завязываю бинт. Крылатая поворачивает кисть. Белая ткань выглядит нелепо на её тёмной коже. Она касается рисунка жирафа, оставшегося на одном из пластырей в коробке. Потом произносит слово, указывая на себя:

– Вейра.

Я не сразу понимаю. Она повторяет:

– Вей-ра.

Имя. Я касаюсь груди.

– Ника.

– Ни-ка, – говорит она.

Впервые моё имя в этом мире звучит не как часть шёпота из камня. Старший стражник вмешивается. Забирает аптечку, рюкзак и паспорт. Вейра спорит с ним недолго. Потом отдаёт свободный конец цепи. Она остаётся на площади.

Я оглядываюсь, когда меня уводят. Вейра стоит среди раненых и смотрит вслед. Белая повязка на её руке уже проступает красным. Следующий удар приходится в верхнюю часть города.

Башня справа вздрагивает. С крыши сыплется черепица. Люди бросаются к стенам. Стражник тянет цепь. Мы бежим.

Дворец оказывается не одним зданием, а целым тёмным массивом, выросшим из скалы. Нижние стены почти без окон. Вход защищают три арки и отряд в серебряных доспехах. Над дверями горит изображение семилепестковой розы. Меня проводят внутрь. Двери закрываются.

Запах дыма остаётся снаружи. Здесь пахнет воском, камнем и холодом. Я стою в огромном зале, пытаюсь отдышаться. На стенах висят длинные полотнища с красными знаками. По полу идут серебряные линии, соединяясь в круг под моими ногами.

Стражник толкает меня в центр. Линии вспыхивают. Металлический обруч на руках становится ледяным.

Из тени выходит мужчина в тёмной форме. У него короткие чёрные рога, серебряная цепь через плечо и усталое лицо человека, которого оторвали от важного дела. Он смотрит на меня. Потом на доклад Вейры, который передаёт ему стражник.

Читает. Поднимает глаза снова. И произносит по-русски:

– Назови своё имя.

ГЛАВА 5. КЛЕЙМО ИНКУБА

Я молчу. Не потому, что решила проявить характер. Просто после нескольких часов чужой речи русский звучит неправильно. Слишком знакомо. Почти опасно. Мужчина ждёт.

Ему лет тридцать, может, немного больше. В этом мире возраст угадывать сложнее: кожа у него гладкая, но возле глаз лежат тонкие линии, а в волосах над левым виском серебро. Рога короткие и загнуты назад. Один пересечён белым шрамом.

– Ты понимаешь меня? – спрашивает он.

Голос спокойный, без акцента.

– Да.

Слово выходит хриплым. Мужчина переводит взгляд на стражника. Тот говорит что-то быстро. Я уже узнаю отдельные звуки, но смысл ускользает.

– Он сказал, что на воротах ты не понимала общей речи.

– Не понимала.

– А сейчас?

– Сейчас вы говорите по-русски.

– Я не знаю такого языка.

Он касается двумя пальцами серебряной цепи на плече. На одном из звеньев загорается тусклый свет.

– Печать толкования. Ты слышишь не мои слова, а смысл. Я слышу твой. Не позволяй знакомому звучанию обмануть тебя.

– Удобно.

– Иногда.

Он отдаёт приказ стражникам. Один снимает цепь с моей шеи, другой ведёт к каменному креслу в центре серебряного круга. Я не сажусь.

– Мне нужно знать, где я.

– Сядь.

– Сначала скажите...

Стражник давит на плечи. Я падаю в кресло. Металлический обруч на запястьях пристёгивают к кольцу на подлокотнике. Ноги пока свободны. Мужчина устраивается за узким столом напротив.

На столе лежит мой паспорт, телефон, книга, пауэрбанк и пластырь с жирафом. Остальные вещи, видимо, не заслужили внимания. Он берёт паспорт.

– Назови имя.

– Ника Токарева.

– Ника – личное имя?

– Да.

– Токарева?

– Фамилия.

Печать переводит слово не сразу. Я слышу собственный ответ, затем в голове возникает чужое понятие: имя рода. Мужчина кивает.

– Мой чин – первый дознаватель внешней стражи. Имя Майрен. Ты находишься в Люксурии, столице южной короны.

– Какой страны?

– Люксурии.

– Вы сказали, это столица.

– И корона, и земля носят одно имя.

– А мир?

Он смотрит на меня внимательнее.

– Мир?

– Планета. Земля. Как называется всё это?

Печать на его цепи мигает. Очевидно, часть слов не находит соответствия.

– Ты спрашиваешь название сотворённого мира?

– Да.

– Элирия.

Я повторяю про себя. Слово ничего не меняет.

– Где Россия?

– Не знаю такого владения.

– Европа?

– Нет.

– Земля?

– Ты уже употребляла это слово как название почвы.

– Это ещё и название моего мира.

Майрен кладёт паспорт.

– Начни сначала. Где ты была до того, как появилась у западной дороги?

– В горах.

– Каких?

– Не знаю, как они называются у вас. Они вообще не у вас.

– Не играй словами.

– Я не играю.

Он касается цепи. Свет становится ярче.

– Печать передаёт смысл, но не делает ложь правдой.

– Тогда хорошо, что я не лгу.

Стражник справа фыркает. Майрен даже не смотрит на него.

– Ты служишь Ордену Пепла?

– Я не знаю, что это.

– Люди, осаждающие город.

– Я никому не служу.

– На тебе человеческая одежда. При тебе человеческие знаки. Ты появилась за линией их наступления.

– Я появилась на склоне. Потом нашла дорогу.

– В разгар штурма.

– Я не выбирала время.

– Но выбрала идти к городу.

– В горах никого не было.

– Значит, ты решила искать помощь у тех, кого твой народ пытается уничтожить.

– Мой народ никого здесь не пытается уничтожить.

Он молчит. Печать на цепи чуть мерцает. Наверное, проверяет смысл или просто красиво светится. Я не понимаю, как она работает. Майрен берёт телефон. Проводит пальцем по трещине.

– Что это?

– Телефон.

Печать не переводит.

– Устройство связи, – добавляю я. – Можно разговаривать с людьми на расстоянии.

Писать. Смотреть карты. Фотографии.

– Магический предмет?

– Нет.

- Он содержит кристалл.
- Наверное. Несколько. Я не настолько хорошо знаю, как устроен телефон.
- Он не отвечает ни на одну известную проверку.
- Он сломан.
- Изнутри.
- Его уронили ваши стражники.

Майрен поднимает взгляд на мужчину справа. Тот делает вид, что его здесь нет.

- Ранее он работал? – спрашивает дознаватель.
- Да.
- Покажи.
- Он сломан.
- До того.

- Я не могу показать прошлое.
- Некоторые могут.

Он кладёт телефон и берёт паспорт.

- Здесь твоё изображение. Без краски, без следа иллюзии.
- Фотография.
- Ещё один предмет без магии?
- Да.

- Ты ожидаешь, что я поверю в мир, где делают подобные вещи без магии.
- Я ожидаю, что вы хотя бы рассмотрите вариант.
- Я рассматриваю все варианты. Поэтому ты ещё жива.

Это сказано буднично. За стенами снова гремит. В зале дрожат светильники. Один из стражников оглядывается на дверь. Майрен не двигается.

- Расскажи о переходе.

Я рассказываю. О походе. О гуле. О пещере, которой не было на карте. О символах, белых корнях, камне. Не упоминаю женщину в пустоте сразу. Потом всё же упоминаю, потому что Майрен просит повторить момент прикосновения трижды и замечает паузу. Он записывает мои слова тонкой металлической палочкой. На чёрной пластине появляются серебряные линии.

- Слепая женщина, – повторяет он. – Кровь на губах. Предмет в руке.
- Зуб.
- Чей?
- Пока не знаю.
- Она назвала тебя?
- Нет. Сказала: «Поздно. Для меня».
- До этого камень произнёс твоё имя.
- Да.
- Но женщина не назвала.
- Да.

Он откладывает палочку.

- Ты понимаешь, что эта версия хуже любой лжи?
- Для кого?
- Для тебя.

Я смотрю на серебряный круг под креслом.

- Почему?

– Потому что шпионку можно обменять. Ведьму можно передать храму. Безумную – запереть, пока осада не кончится. Существо, прошедшее через неизвестный разлом, не относится ни к одной безопасной категории.

- Я человек.
- Это ещё предстоит установить.
- У меня нет рогов.
- У некоторых демонов тоже.
- Я видела демонов только в книгах.
- А я видел людей у стен.

Он произносит это без злости. От этого становится тяжелее. Дверь открывается. Входит Вейра.

На ней нет шлема. Тёмные волосы заплетены в короткую косу. Белая повязка на ладони стала серой от грязи. Она отдаёт Майрену сложенный лист и говорит на общей речи. Благодаря печати слова приходят ко мне с небольшой задержкой.

- Западный отряд подтверждает. Нашли её одну. Рядом трое пепельных. Один был жив.
- Она убила их? – спрашивает Майрен.
- Нет следов оружия.
- Магия?
- Ничего.

Вейра смотрит на меня.

- Я применила быстрое плетение. Не вошло.

Стражники в зале напрягаются. Майрен не меняется в лице.

- Ошибка на поле.
- Я повторила.
- У ворот?
- Да.
- Свидетели?

Она называет три имени. Майрен поднимается.

- Подойди.

Я думаю, что он обращается ко мне, но Вейра идёт к столу. Они говорят тише. Печать всё равно передаёт часть смысла, только обрывками. Очарование.

Соппротивление. Пустота. Человеческая кровь.

Майрен задаёт вопрос, который я не понимаю даже после перевода. В нём есть понятие двери, желания и внутреннего имени. Вейра отвечает отрицательно. Потом он поворачивается ко мне.

- Ты знала, что капитан Вейра пыталась воздействовать на тебя?
- Я почувствовала что-то.
- Что?
- Тепло. Будто я должна ей доверять.

Вейра чуть хмурится.

- И что ты сделала?
- Отодвинулась.
- Почему?

- Потому что чувство было не моё.

В зале становится тихо. Майрен подходит к креслу. Теперь я вижу, что он выше, чем казался за столом. Двигается мягко, почти бесшумно. Не как военный. Как тот, кто привык, что пространство уступает ему само.

- Смотри на меня, – говорит он.
- Я и так смотрю.
- Не отводи глаз.
- Зачем?

Он кладёт ладонь мне на затылок. Я дёргаюсь. Цепь на запястьях звенит.

– Уберите руки.

Майрен проводит большим пальцем за моим ухом. На коже появляется холодная точка.

– Это проверка.

– Я не соглашалась.

– Здесь согласие не требуется.

Вейра говорит:

– Майрен.

Он не отвечает. Серебряная цепь на его плече вспыхивает. Свет переходит на пальцы, но становится не серебряным, а тёмно-красным. Воздух меняется. В нём появляется запах граната, дыма и нагретой кожи. Майрен наклоняется ближе.

До этого его глаза были серыми. Теперь в них проступает красное кольцо.

– Ника Токарева, – произносит он. – Ты устала.

Голос проходит по телу. Я действительно устала. До боли в плечах, до пустоты за глазами. Хочется закрыть веки и перестать держаться.

– Да, – отвечаю я.

– Ты боишься.

– Да.

– Ты одна в чужом городе. Тебя некому защитить.

Слова входят глубже, чем должны. Я вижу мамину кухню. Леру на тропе. Папу, который проверяет документы третий раз и делает вид, что это обычная привычка. Горло сжимается.

– Да.

– Поэтому ты расскажешь мне всё.

Красное кольцо расширяется. Я чувствую, как чужая воля ищет опору. Не ломает, не приказывает. Предлагает самый лёгкий путь. Согласиться. Перестать спорить. Отдать Майрену все мысли, потому что он знает, что с ними делать. На секунду это кажется разумным.

Потом я замечаю его ноготь. На ногте большого пальца маленькая трещина. В неё заби-лась чёрная краска или кровь. Деталь совсем не подходит к ощущению безупречной власти. Я смотрю на неё.

– Я уже рассказала всё.

Красный свет дрожит. Майрен сильнее сжимает затылок.

– Назови имя того, кто послал тебя.

– Никто меня не посылал.

– Ты хочешь сказать правду.

– Хочу.

– Тогда скажи.

– Я сказала.

Что-то щёлкает. Не в зале – в самом ощущении. Тепло осыпается, как сухая штукатурка. Давление исчезает. Остаётся запах дыма и ладонь на моём затылке.

Майрен замирает. На его пальцах гаснет свет. Вейра шепчет одно слово.

Я не успеваю понять. Майрен отступает и снова поднимает руку. Теперь плетение при-ходит быстрее. Красная линия касается моего лба.

Перед глазами вспыхивает знак – круг, пересечённый вертикальной чертой. Он отпеча-тывается на коже холодом.

– Подчинись, – говорит Майрен.

Слово звучит сразу в голове. Я вздрагиваю.

– Нет.

Знак вспыхивает. Боль проходит по вискам.

– Подчинись.

– Отстаньте.

Серебряные линии на полу загораются. Стражники отходят к стенам. Вейра делает шаг вперёд, но Майрен останавливает её рукой. Красное плетение входит в круг. Воздух густеет. Мне становится трудно дышать. Не от желания, как у ворот. Здесь другое: ощущение, что моя воля – дверь, а с той стороны навалились всем телом.

Я цепляюсь за подлокотники.

– Назови того, кто отдал тебе приказ.

– Никто.

– Скажи имя.

– Нет имени.

– Скажи.

– Вы плохо слушаете.

Красный знак на лбу лопается. Я слышу тонкий звон. Майрен отшатывается.

Его цепь темнеет. Одно звено трескается и падает на пол. Серебряный круг под креслом гаснет. Тишина длится один вдох. Потом стражник справа вытаскивает меч.

Вейра расправляет крылья. Второй стражник отступает к двери, не сводя с меня глаз. Майрен смотрит на собственную ладонь.

На коже проступил ожог в форме разорванного круга.

– Я ничего не сделала, – говорю я.

Он медленно поднимает глаза. В них больше нет красного света.

– Именно это нас и пугает.

Стражники начинают говорить одновременно. Печать толкования повреждена. Их слова приходят рывками. Убить.

Храм. Человеческое оружие. Пустота.

Майрен резко приказывает молчать. Все замолкают, кроме меня.

– Снимите это.

Я поднимаю связанные руки. Он будто не слышит. Вейра подходит к нему, осматривает ожог. Не касается. Задаёт вопрос.

Майрен отвечает:

– Плетение не встретило защиты.

– Тогда почему?

– Оно не нашло, за что удержаться.

– Так не бывает.

– Я знаю.

Он возвращается к столу. Берёт чёрную пластину с записью, но не пишет. Несколько секунд просто стоит, опираясь пальцами на край. За стенами гремит очередной удар. Майрен поднимает мой паспорт. Смотрит на фотографию, потом на меня.

– Ты останешься здесь до решения короны.

– Мне нужно вернуться домой.

– Возможно, у тебя больше нет дома.

– Вы не можете...

– Могу.

Он говорит стражникам:

– Увести её в нижние камеры. Отдельное содержание. Без плетений. Без прикосновений кожи к коже. О случившемся – молчать до доклада королеве.

Один из стражников спрашивает:

– А если она снова откроет разлом?

Майрен смотрит на меня.

– Тогда стены темницы будут наименьшей из наших проблем.

ГЛАВА 6. ПРИГОВОР БЕЗ СУДА

Меня выводят из зала через другую дверь. Вейра остаётся с Майреном. Прежде чем дверь закрывается, я вижу её белую повязку и его обожжённую ладонь. Они стоят по разные стороны стола, не глядя друг на друга. Мой рюкзак остаётся там же.

– Вещи, – говорю я. – Верните мои вещи.

Стражники не отвечают. Печать толкования ещё работает, но с каждым шагом слабее. Их речь то становится понятной, то снова превращается в набор резких звуков. Возможно, треснувшее звено Майрена было частью заклинания. Возможно, действие закончится, и я опять лишусь перевода. Коридор уходит вниз.

Здесь уже нет полотнищ и серебряных линий. Стены грубо вытесаны в скале. Свет дают небольшие шары под потолком. Внутри них плавает красноватый дым. Впереди идёт стражник с широкими плечами. Тот, что уронил телефон. Я узнаю его по царапине на щеке и испытываю неожиданно сильное желание подставить ему ногу. Не делаю этого.

Сзади держат цепь, пристёгнутую к обручу на моих запястьях. Цепь короткая. Если я иду медленнее, меня дёргают. На первой лестнице ступени дрожат от удара снаружи. На второй мы встречаем отряд, поднимающийся наверх. Они несут носилки. Раненый накрыт до груди, одна рука свисает. Кожа серая, пальцы в крови.

Носильщики прижимаются к стене, пропуская нас. Раненый открывает глаза. Видит меня.

Его лицо перекашивает ненависть. Он что-то говорит. Печать успевает передать:

– Человеческая падаль.

Потом слова снова становятся чужими. Я прохожу мимо. Разумная часть меня понимает: их город осаждают люди. Тела на улицах, раненые во дворах, дым над домами – всё это не рисунок на карте. Для них я выгляжу как враг. Неважно, что я ничего не сделала.

Другая часть хочет развернуться и спросить, кто дал им право убивать раненых на дороге. Обе части молчат. Через несколько пролётов коридор разделяется. Нас останавливает женщина в тёмной одежде. У неё нет доспехов, только связка ключей на поясе и тонкая металлическая палочка в руке.

Она смотрит на документы, которые передаёт стражник. Потом на меня. Говорит медленно:

– Имя.

Печать переводит.

– Ника.

– Родовое имя.

– Токарева.

Она записывает на восковую табличку. Получается несколько угловатых знаков.

– Происхождение.

– Другой мир.

Женщина поднимает глаза. Стражник говорит ей что-то. Она перестаёт задавать вопросы. Нас проводят в помещение с каменной скамьёй и решётчатым сливом в полу. На стене висят серые рубахи.

Женщина указывает на меня, потом на одежду. Я понимаю.

– Нет.

Она повторяет жест.

– Я не буду раздеваться перед вами.

В комнате двое мужчин-стражников. Женщина раздражённо произносит несколько слов. Печать выдаёт только обрывок: проверка оружия.

– Вы уже обыскали рюкзак.

Она указывает на ботинки. Я снимаю их сама. Потом носки. Карманы джинсов выворачивают. Там находится смятая бумажка с номером автобуса, резинка для волос и монета. Женщина долго рассматривает монету, проводит по краю ногтем.

Футболку и брюки всё-таки приходится отдать. Мужчин выводят за дверь, но они остаются в коридоре. Женщина обыскивает меня быстро и без любопытства. Проверяет волосы, уши, рот. Проводит палочкой вдоль позвоночника. Металл нагревается возле левой лопатки. Она хмурится.

Проводит ещё раз.

– Что там? – спрашиваю я.

Женщина не отвечает. Касается пальцами кожи. Мне неприятно, но ничего не происходит. Она решает, что палочка ошиблась. Мне дают серую рубаху до колен и мягкие штаны, слишком широкие в талии. Ткань грубая, пахнет щёлоком. Ботинки возвращают, шнурки забирают.

– Зачем шнурки?

Ответ не нужен. Одежду складывают в мешок. Паспорт, телефон, книга – всё осталось наверху. Мой дом теперь помещается в чёрный прямоугольник с треснувшим экраном, и даже его у меня забрали. Женщина снимает обруч с запястий.

Кожа под ним содрана. Тонкая красная полоса опоясывает правое запястье. Я растираю пальцы. Рана не исчезает. В пещере порез затянулся мгновенно. Здесь кожа щиплет, на ней выступает кровь.

Я смотрю дольше, чем нужно. Стражница замечает. Берёт меня за запястье, тоже осматривает след. Потом пожимает плечами. Разумеется, для неё это обычная ссадина.

Для меня – нет. Может, тогда сработал камень. Может, переход. Может, я вообще не была ранена так сильно, как запомнила. Я не успеваю решить.

На руки надевают новые кандалы. Эти легче, но между браслетами короткая цепь. Мы продолжаем вниз. Воздух становится холоднее. Красные шары встречаются реже. В стенах появляются двери с маленькими окнами. За одной кто-то поёт. Голос мужской, низкий, повторяет три ноты. За другой слышен скребущий звук.

Я стараюсь не смотреть внутрь. На повороте стражник впереди останавливается. Двое мужчин спорят у железной двери. Один в форме дворцовой стражи, второй в коричневом кожаном жилете. След печати толкования вспыхивает в последний раз, и я понимаю часть разговора.

– Приказ первого дознавателя.

– В нижних камерах нет свободных одиночных.

– Освободи.

– Куда я дену прежнего?

– Это твоя забота.

– Его цепи нельзя переносить без храмовника.

– Тогда посади с ним.

– Ты читал имя?

– Читал.

– И предлагаешь добавить человеческую девчонку в камеру к Касиалу?

Имя ничего мне не говорит. Стражник пожимает плечами.

– Приказано нижние камеры. Отдельно – по возможности.

– Здесь не бывает «по возможности».

Они продолжают спорить, но перевод рассыпается. Слова становятся далёкими. Потом исчезают совсем. Мужчина в кожаном жилете – тюремщик, судя по ключам – смотрит на меня и мрачно качает головой. Он ведёт нас дальше.

Коридор заканчивается круглой площадкой. От неё расходятся три галереи. В центре стоит стол, за которым сидит старик с одним рогом. Он ест суп из глиняной миски. Когда мы подходим, старик не торопится. Сначала доедает ложку.

Потом вытирает рот. Медленно читает документ. Смотрит на меня.

Говорит что-то, от чего остальные смеются. Даже стражник с царапиной. Я не понимаю. Это хуже прямой угрозы. Они смеются, а я не знаю, над чем.

Старик поднимается, достаёт с пояса тонкий стержень. Подносит его к моей груди. На конце загорается синий огонь. Он обводит стержнем пространство вокруг меня. Огонь меняет цвет на белый, потом гаснет.

Смех прекращается. Старик повторяет проверку. Стержень гаснет снова.

Он ругается. Это можно понять без перевода. Стражник показывает ему ожог Майрена, нарисованный на документе. Старик перестаёт ругаться и делает шаг назад. После этого меня больше никто не касается голыми руками.

На запястья поверх кандалов надевают кожаные накладки. На шею – узкую железную ленту без цепи. Старик проверяет замок трижды.

– Я не ведьма, – говорю я.

Никто не отвечает. Может, не понимают. Может, не считают нужным.

Нас ведут в левую галерею. Там темнее. Двери дальше друг от друга, на каждой несколько замков. Пол покрыт тонким слоем воды. Она просачивается из стены и течёт к решётке. Тюремщик останавливается у последней камеры.

На двери нет окна. Только маленькая заслонка внизу и серебряная пластина на уровне груди. По пластине идут чёрные линии, похожие на трещины. Он вставляет ключ. Остальные отступают.

Тюремщик сначала касается стержнем пластины. Линии загораются. Из-за двери приходит металлический звон. Цепи. Кто-то внутри двигается.

Я смотрю на стражников.

– Кто там?

Они не понимают вопроса или не хотят отвечать. Замок открывается. Дверь приоткрывается на ширину ладони и останавливается.

Тюремщик говорит что-то в темноту. Мужской голос отвечает. Спокойно. Даже лениво.

Стражники не смеются. Дверь открывают шире. В камере горит один тусклый шар. Я вижу каменную стену, ведро, узкую лежанку и человека, сидящего на полу.

На его руках цепи. Ещё одна идёт от металлического ошейника к стене. Тюремщик снимает с меня кандалы, но оставляет железную ленту на шее. Толкает внутрь.

Я оборачиваюсь.

– Подождите.

Дверь закрывается. Замки щёлкают один за другим. Шаги удаляются.

Я остаюсь в полутьме с незнакомцем, которого даже тюремщики боятся оставить без трёх замков. Его взгляд задерживается на мне. Потом произносит несколько слов на общей речи.

Я не понимаю.

– Бесполезно, – говорю я. – Перевод закончился.

Незнакомец чуть наклоняет голову. И отвечает на ломаном, но понятном русском:

– Тогда придётся обойтись без него.

ГЛАВА 7. СОСЕД ПО КАМЕРЕ

Первое, что я замечаю, – у него разбита губа. Второе – цепи. Они толще тех, что надевали на меня. Тёмный металл охватывает запястья, лодыжки и шею. От каждого браслета идёт отдельная цепь к кольцам в стене. На звеньях вырезаны знаки. Иногда по ним пробегает слабый синий свет.

Мужчина сидит, прислонившись к камню. Одна нога вытянута, вторая согнута. Рубаха разорвана на плече. Под тканью виден старый шрам и свежие синяки. Рога у него длинные, чёрные, почти гладкие. Кончик левого рога обломан. Волосы тоже чёрные. Недлинные, но давно не стриженные. Несколько прядей падают на лоб. Лицо худое, скулы резкие. Правый глаз нормальный, серый. Вокруг левого расплылся тёмный кровоподтёк.

Он выглядит не как чудовище. Это ничего не значит.

– Ты говоришь по-русски? – спрашиваю я.

– По-русски, – повторяет он, пробуя слово. – Значит, так называется твоя речь.

– Откуда ты её знаешь?

– Не знаю.

– Очень полезный ответ.

– Я стараюсь соответствовать обстановке.

Он говорит медленно. Некоторые окончания неправильные, порядок слов странный, но смысл понятен. Голос низкий, немного хриплый. Я остаюсь возле двери. Мужчина смотрит на железную ленту у меня на шее, серую одежду, голые запястья. Потом на ботинки без шнурков.

– Тебя обыскали плохо, – говорит он.

– Почему?

– Оставили ботинки.

– Это оружие?

– При желании.

– У меня нет желания.

– Пока.

Он улыбается и сразу морщится от боли в разбитой губе. Я проверяю дверь. Ручки изнутри нет. Между нижним краем и полом щель шириной с палец.

– Они вернутся?

– Конечно.

– Когда?

– Если повезёт – с водой.

– А если нет?

– За телом.

Я поворачиваюсь. Он пожимает плечом. Цепи звенят.

– Шутка.

– Не смешная.

– Здесь хорошие быстро заканчиваются.

Камера маленькая. До противоположной стены четыре шага. Лежанка одна, но мужчина сидит на полу. В углу ведро. На стене царапины – короткие линии, собранные по пять. Их много. Некоторые старые, почти стёртые. Я пытаюсь понять, где сесть. На полу мокро возле двери. Лежанка кажется его местом. Остаётся место у противоположной стены.

Опускаюсь на камень. Холод проходит через ткань. Мужчина наблюдает.

– Ты человек, – говорит он.

– Судя по реакции города, это заметно.

– Не настолько.

- У меня нет рогов.
- У половины низших родов нет. У детей тоже появляются не сразу.
- Тогда что заметно?
- Запах.
- Я напрягаюсь. Он видит это и добавляет:
- Не бойся. Я прикован.
- Очень успокаивает.
- И избит.
- Ещё лучше.
- А ты язвительная.
- Я в чужом мире, в тюрьме, без телефона. У меня тяжёлый день.
- Слово «телефон» он не понимает.
- Что потеряла?
- Неважно.
- Тогда почему упомянула?
- Потому что говорить с собой хуже.
- Не всегда.

Он откидывает голову на стену и закрывает глаза. Разговор заканчивается. Некоторое время мы молчим.

Вода капает с потолка. Неритмично: две капли быстро, пауза, ещё одна. Где-то далеко открывается дверь. Слышны шаги, крик, потом удар. Я прислоняю затылок к камню. В голове всплывает мама.

Она наверняка уже приехала в лагерь. Или едет. Лера рассказала про звонок, про мою ложь. Максим Сергеевич вызывает спасателей. Они ищут пещеру. Вход, возможно, снова стал обычной трещиной. Или исчез. Телефон лежит на столе Майрена. Даже если он включится, сети здесь нет.

Мне хочется представить, что дома прошло всего несколько минут. Что время по разные стороны разлома движется иначе. Это удобная мысль, почти добрая. Я не доверяю ей. Мужчина открывает один глаз.

– Ты плачешь?

Я касаюсь щеки. Сухо.

– Нет.

– Голос плачет.

– Тебе показалось.

– Возможно.

Он снова закрывает глаза.

– Как ты говоришь на моём языке? – спрашиваю я.

– Ты говоришь на моём?

– Нет. Я слышу русский.

– А я слышу общую речь.

Я смотрю на него.

– У Майрена была печать перевода.

При имени дознавателя его веки едва заметно дёргаются.

– Она сломалась, – продолжаю я. – Потом какое-то время работала. Сейчас нет.

– Печать толкования не учит языку. Она связывает смысл.

– Значит, связь осталась?

– Не должна.

– В последнее время мне часто говорят, что чего-то не должно быть.

– Привыкай.

Он открывает глаза полностью.

– Подойди ближе.

– Нет.

– Тогда останемся с загадкой.

– Я выдержу.

– Я тоже.

Проходит минута.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Хочу увидеть твоё ухо.

– Моё ухо не знает языков.

– За ухом ставят след толкования.

Я вспоминаю, как Майрен касался кожи перед допросом.

– Можешь посмотреть отсюда.

– Могу. У тебя волосы мешают.

Я собираю волосы и поворачиваю голову, оставаясь у стены. Мужчина щурится.

– Ближе.

– Нет.

Он вздыхает.

– Ты права. Вдруг я выпрыгну из цепей и укушу.

– Вы можете кусаться?

– Все могут, если достаточно постараться.

Я не двигаюсь. Он смотрит ещё несколько секунд.

– Там есть след.

– Какой?

– Разорванный круг.

– Майрен ставил знак на лоб.

– Этот другой.

– Что он значит?

– Печать не удержалась, но оставила тропу. Иногда смысл продолжает передаваться по ней, пока она не закроется.

– Сколько времени?

– Час. День. Никогда.

– Прекрасно.

– Ты слишком часто так говоришь, когда имеешь в виду противоположное.

– А ты быстро учишься.

– Мне нечем больше заняться.

Из коридора доносится скрежет. Мужчина выпрямляется. Его расслабленность исчезает мгновенно.

Заслонка внизу двери открывается. Внутрь проталкивают глиняный кувшин и миску. Потом вторую миску, пустую. Мужчина говорит что-то на общей речи. За дверью отвечают грубо.

– Что они сказали? – спрашиваю я.

– Вода одна. Еда мне.

– А пустая миска?

– Чтобы ты могла смотреть, как я ем. Таков порядок.

Он тянется к кувшину. Цепь на правой руке натягивается: до сосуда не хватает нескольких сантиметров. Он не просит помощи.

Пробует левой. Та цепь короче. Кувшин стоит у двери, слишком далеко. Я поднимаюсь.

– Не трогай, – говорит он.

- Почему?
- Проверяют.
- Что?
- Подойдёшь ли ты ко мне. Передашь ли воду. Снимешь ли печать с сосуда.
- Я смотрю на кувшин. На глине тонкая серебряная полоса. Раньше я её не заметила.
- Что будет, если снять?
- Смотря как.
- Очень конкретно.
- Я не знаю, что они придумали сегодня.
- Он возвращается к стене.
- Оставь.
- Ты давно пил?
- Не настолько давно, чтобы умереть до утра.
- А я?
- Тебя, вероятно, хотят живой.
- Это предположение.
- Хорошее.

Я присаживаюсь возле кувшина, не касаясь его. Полоса идёт вокруг горлышка. На ней вырезаны маленькие знаки.

- Это замок?
- Печать запрета.
- Для кого?
- Для меня.
- Если я налью воду?
- Ничего.
- Если подам тебе миску?
- Возможно, ничего.
- А возможно?
- Тебя отбросит к стене. Меня ударит разрядом через цепи. Вода превратится в кислоту.

Тюремщики бывают изобретательны, когда скучают.

- И ты говоришь это так спокойно?
- Я здесь давно.

Слова простые. Впервые в его голосе нет иронии. Я беру пустую миску. Серебряная полоса на кувшине не реагирует.

Наливаю воду. Она прозрачная, пахнет камнем. Сначала пью сама. Горло болит от жажды, и я едва не опустошаю всё. Останавливаюсь. Мужчина смотрит на миску.

- Тебе не запрещено? – спрашиваю я.
- Запрещено касаться сосуда.
- Миски?
- Нет.

Я делаю два шага к нему. Цепи позволяют ему дотянуться до края лежанки. Между нами остаётся расстояние. Я ставлю миску на пол и отталкиваю носком ботинка.

Она скользит к нему. Мужчина поднимает её. Синяя линия на цепи вспыхивает, но не бьёт.

Он пьёт медленно, не отрывая взгляда от двери. Затем передаёт миску обратно тем же способом.

- Спасибо.
- Не ожидала, что заключённые здесь вежливые.
- Я не всегда был заключённым.

- А кем был?
- Живым человеком с плохими решениями.
- Ты не человек.
- В широком смысле.
- Он снова садится у стены. Я возвращаюсь на своё место.
- Как тебя зовут?
- Ты долго не спрашивала.
- У меня были другие вопросы.
- И куда они делись?
- Стало понятно, что ответов всё равно не будет.
- Зрелый подход.
- Он проводит языком по разбитой губе.
- Касиал.
- Имя звучит знакомо, потому что тюремщики произносили его у двери.
- Почему они тебя боятся?
- Они всех боятся. Работа такая.
- Тебя посадили в самую нижнюю камеру. На тебе больше цепей, чем нужно. Когда открывали дверь, все отступили.
- Ты наблюдательная.
- Иногда.
- Тогда должна заметить: если бы я хотел напугать тебя, уже сделал бы это.
- Это тоже может быть способом напугать.
- Касиал улыбается.
- Верно.
- За что ты здесь?
- Улыбка исчезает. Не резко. Просто уходит.
- За то, что оказался неудобен.
- Это не преступление.
- В Люксурии зависит от того, кому именно ты неудобен.
- Тебя судили?
- Он смотрит на стену, где вырезаны линии.
- Да.
- И?
- Суд решил, что я виновен.
- В чём?
- Сегодня ты задала достаточно вопросов.
- Это ты решаешь?
- Нет. Но завтра у нас, возможно, будет много времени.
- Почему возможно?
- Он поднимает руку. Цепь звенит.
- Потому что меня должны казнить.
- За дверью снова проходят стражники. Один смеётся. Касиал замолкает, пока шаги не удаляются.
- Когда? – спрашиваю я.
- Скоро.
- Ты говоришь так, будто обсуждаешь дождь.
- Я никогда не видел дождя.
- Что?

– В Люксурии он не идёт. Влага поднимается из нижних рек, но с неба ничего не падает. На севере бывает чёрный снег. Его я видел.

Я смотрю на него, пытаюсь понять, шутит ли. Похоже, нет.

– У нас дождь обычный.

– В твоём мире?

– Да.

– Расскажешь?

Вопрос застаёт меня врасплох.

– О дожде?

– О чём захочешь.

– Зачем?

Касиал устраивается удобнее, насколько позволяют цепи.

– Потому что перед казнью мне предлагают суп, воду и человеческую девушку из мира без магии. Суп я уже знаю.

Я смотрю на миску у двери. В ней густая серая масса, сверху плавает что-то зелёное. Есть не хочется.

– Дождь мокрый, – говорю я.

– Сильное начало.

– Ты сам попросил.

– Продолжай.

Я рассказываю. Не о разломе, не о маме и не о поисках. Просто о том, как дождь стучит по подоконнику. Как вода собирается у бордюра и машины обливают прохожих. Как мокрые волосы прилипают к лицу. Как в школе все пахнут сырой одеждой. Касиал слушает, не перебивая.

Иногда задаёт простые вопросы: какого цвета небо, почему люди не укрывают улицы, можно ли собирать воду? Я отвечаю. Разговор никуда не ведёт. Не раскрывает тайн, не спасает нас, не меняет решения королевы, которая даже не знает моего имени.

Он просто идёт. Через некоторое время я замечаю, что перестала дрожать. Светящийся шар под потолком тускнеет.

Касиал кивает на лежанку.

– Спи там.

– А ты?

– Я привык к полу.

– Это твоя камера.

– Какая щедрость.

– Я серьёзно.

– Я тоже. Лежанка слишком короткая, цепь на шее тянет, если поворачиваюсь. На полу удобнее.

Я не верю, но спорить нет сил. Ложусь на каменную плиту. Она жёсткая, под голову приходится подложить руку. Железная лента на шее мешает. Рубаха задирается, от стены тянет холодом. Касиал закрывает глаза.

– Ты правда ждёшь казни? – спрашиваю я.

– Правда.

– И можешь спать?

– Нет.

– Тогда зачем закрыл глаза?

– Чтобы не смотреть на потолок.

Я смотрю вверх. В камне над нами тонкая трещина. В ней застрял сухой стебелёк, неизвестно каким образом попавший в нижнюю тюрьму. Он качается от движения воздуха.

– Там трава, – говорю я.

– Где?

– В потолке.

Касиал открывает глаза, находит стебель.

– Это не трава.

– А что?

– Хвост пещерной мыши.

Я резко приподнимаюсь. Он тихо смеётся.

– Шутка.

– Всё-таки плохие шутки ещё не закончились.

– Я берегу запас.

Я снова ложусь. Проходит несколько минут.

– Ника, – произносит он в темноте.

– Что?

– Когда придут за мной, держись у дальней стены.

– Почему?

– Просто держись.

Я хочу спросить ещё, но его лицо уже скрыто полумраком. За стенами дворца гремит новый удар. С потолка падает пыль.

Касиал не вздрагивает. Я закрываю глаза и впервые с момента перехода засыпаю не одна.

ГЛАВА 8. ИЗМЕННИК КОРОНЫ

Касиал оказывается прав: утром за ним приходят.

Я понимаю, что наступило утро, только потому, что светящийся шар под потолком становится ярче. Здесь нет окон, и время приходится угадывать по тюремным привычкам. Сначала где-то в коридоре звенят ключи. Потом открывают заслонки в дверях. Кто-то требует воды. Кто-то ругается. В соседней камере опять поют три одинаковые ноты, и на третьем повторе голос срывается.

Касиал сидит у стены с закрытыми глазами. Он не спал. Я тоже почти не спала, хотя несколько раз проваливалась в короткие, липкие сны: камень в пещере, мама у окна, крылья Вейры над серой травой. Каждый раз просыпалась от собственного движения и несколько секунд не понимала, почему на шее металл. Ноги затекли. Поясница ноет от каменной лежанки. Во рту привкус старой воды.

– Они идут, – говорит Касиал.

Шагов я ещё не слышу.

– Откуда ты знаешь?

– Замолкли верхние камеры.

Я прислушиваюсь. Он прав. За дверями стало тихо. Касиал поправляет разорванный рукав. Движение обычное, почти домашнее, если не считать цепей на руках. На щеке после вчерашнего допроса выступил ещё один синяк. Тёмный, с зеленоватым краем.

– Ты сказал держаться у дальней стены.

– И сейчас говорю.

– Что они будут делать?

– Проверят печати. Потом снимут две цепи и добавят одну.

– Зачем?

– Чтобы я мог идти.

– Куда?

Касиал смотрит на дверь.

– Сегодня – в зал очищения.

– Звучит нехорошо.

– Здесь умеют называть неприятные места так, будто туда хочется попасть.

Замки начинают открываться. Я спускаю ноги с лежанки.

– Это казнь?

– Подготовка.

– Ты говорил, что казнь скоро. Насколько скоро?

Он не отвечает. Дверь открывается на ширину ладони. В щели появляется металлический стержень. По нему пробегает синий свет, перескакивает на цепи Касиала. Он вздрагивает, но лица не меняет. Только пальцы сжимаются.

Я встаю.

– Что вы делаете?

Стражники снаружи слышат чужую речь и не понимают. Один говорит что-то другому. За дверью тихо смеются. Касиал качает головой.

– Стена, Ника.

Дверь распахивается. В камеру входят четверо. Впереди тюремщик в кожаном жилете, тот самый, что вчера спорил у двери. За ним двое в дворцовых доспехах. Последним – высокий мужчина в серой одежде, без оружия. На его лбу нарисована вертикальная красная черта. Он пахнет травами и горячим воском.

Тюремщик показывает мне на дальний угол. На этот раз перевод не нужен. Я отхожу.

Мужчина с красной чертой присаживается перед Касиалом. Касается пальцами одного звена. Произносит длинную фразу, похожую на молитву. Цепь у левого запястья раскрывается. Касиал не двигается.

Вторую снимают с лодыжки. Вместо неё пристёгивают короткую цепь к поясу стражника. Мужчина с красной чертой осматривает металлический ошейник. Находит под ним кровь. Вытирает её белой тканью, смазывает кожу густой чёрной мазью.

– Заботливые, – говорю я.

Касиал переводит взгляд на меня.

– Это чтобы я не умер раньше срока.

Мужчина поднимает голову. Понял ли он смысл по следу перевода или только уловил тон – не знаю. Что-то говорит Касиалу.

– Что?

– Просит меня не волновать человеческую пленницу.

– А сам не может сказать?

– Он считает твою речь нечистой.

– Передай, что я переживу.

Касиал произносит несколько слов на общей речи. Мужчина с чертой смотрит на меня и отвечает.

– Он говорит, что в этом сомневается.

– Милый человек.

– Храмовник.

– Это многое объясняет?

– Почти ничего.

Тюремщик дёргает цепь у пояса. Касиал поднимается. Сначала медленно. Ноги после долгого сидения слушаются плохо. Он опирается ладонью на стену, но через секунду выпрямляется. Даже в цепях оказывается выше всех в камере.

Стражник справа отступает. Касиал замечает. На разбитой губе появляется слабая улыбка.

– Ты правда можешь вырваться? – спрашиваю я.

– Нет.

– Тогда почему они тебя боятся?

– Однажды я мог.

Его выводят. Я иду следом, но тюремщик преграждает путь.

– Я хочу с ним.

Мужчина показывает на лежанку и дверь.

– Мне нужно знать, что происходит.

Тюремщик говорит что-то короткое. Касиал останавливается в коридоре.

– Он велит тебе ждать.

– Я поняла. Не хочу.

– В этом месте желания хранят для особых случаев.

– Касиал.

Стражник дёргает цепь. Он делает шаг, потом всё же оборачивается.

– Вернёшься? – спрашиваю я.

За моей спиной звякает миска. Совсем обычный звук. Из-за него вопрос кажется ещё глупее. Касиал смотрит на меня чуть дольше.

– Сегодня – да.

Его уводят. Дверь закрывается. Я остаюсь одна.

Сначала хожу по камере. Четыре шага к двери, четыре обратно. Потом шесть по диагонали. Касиал вырезал на стене не все отметки: часть принадлежит кому-то другому. Его линии

ровнее и глубже. Я нахожу место, где камень исцарапан одним знаком – кругом, разорванным снизу. Такой след остался на ладони Майрена после Очарования. Касаюсь борозды.

Ничего не происходит. Потом сажусь у стены и жду. День в темнице тянется не часами. Звуками.

Воду приносят один раз. Пожилой тюремщик, которого я раньше не видела, оставляет кувшин и кусок тёмного хлеба. На мои вопросы не отвечает. Позже где-то кричит женщина. Долго, с одинаковыми паузами, будто боль приходит волнами. Потом крик обрывается. По коридору проносят что-то тяжёлое. Капает вода.

Свет под потолком тускнеет, снова становится ярче. Я думаю о Касиале больше, чем должна думать о человеке, которого знаю несколько часов. Нет, не о нём самом. О его казни.

Так проще.

В моём мире казнь – слово из новостей, истории, споров взрослых. Здесь она сидит со мной в камере, оставляет кровь на металлическом ошейнике и умеет рассказывать о дожде. Я не знаю, виновен ли Касиал. Не знаю даже, настоящее ли имя он назвал. Но тюремщики боятся его, храмовник следит, чтобы он не умер раньше времени, и всё это плохо сочетается с правосудием.

Когда замки снова открываются, я уже стою у двери. Касиала вталкивают внутрь. Он падает на одно колено.

Цепи звенят. На этот раз к стене пристёгивают обе руки и ошейник. Тюремщик проверяет кольца, потом выходит. Дверь закрывается. Касиал остаётся на полу.

На висках у него пот. Чёрная рубаха прилипла к спине. По левой руке от локтя до запястья идёт красная полоса, словно кожу обвили раскалённой проволокой. Я подхожу.

– Не трогай цепи, – говорит он.

– Что они сделали?

– Убедились, что Пустота меня примет.

– Я ничего не поняла.

– Это нормально.

Он пытается сесть. Я подхватываю его под плечо. Касиал резко замирает. Под моей ладонью его тело горячее, чем должно быть. Мышцы напряжены.

– Убери руку, – произносит он тихо.

Я отпускаю.

– Больно?

– Не поэтому.

– А почему?

Он усаживается сам, приваливается к стене.

– Ты человек. Я инкуб. Кожа к коже иногда усложняет разговор.

Я вспоминаю тепло от Вейриноного прикосновения и руку Майрена на затылке.

– Ты собирался на меня воздействовать?

– Нет.

– Тогда что должно было случиться?

– Ничего, если я держу себя в руках.

– Ты удержишь?

Касиал смотрит на меня. Серый глаз кажется темнее. В камере пахнет горячим камнем и чем-то горьким, как кожура цитруса.

– Сейчас – хуже, чем обычно.

Я отхожу на шаг. Он отворачивается первым.

– Они применили Очарование?

– Храмовники не используют Очарование.

– Что за Пустота?

- Сядь, Ника.
- Я и стоя могу слушать.
- А я не могу объяснять, пока ты ходишь передо мной.
Я сажусь на край лежанки. Касиал закрывает глаза. Дыхание постепенно выравнивается.
- Поцелуй Пустоты – старый способ казни, – говорит он. – Его использовали до основания короны. Осуждённого ставят в круг, снимают защитные печати и открывают проход туда, где магия не живёт.
- В другую пещеру?
- Нет.
- В другой мир?
- Он думает.
- Возможно. Никто не возвращался, чтобы уточнить.
- А «поцелуй»?
- Красивая часть названия. В действительности Пустота сначала забирает силу. Потом память. Тело она забирает последним.
- Я смотрю на красный след на его руке.
- Сегодня они проверяли, сработает ли это?
- Да.
- И?
- Сработает.
- Он говорит спокойно, но левая рука дрожит. Касиал прячет её между коленями.
- За что тебя приговорили?
- Я говорил: оказался неудобен.
- Это не ответ.
- Другого у меня может не быть.
- Тогда я спрошу иначе. В чём тебя обвиняют?
- Он долго молчит. За дверью кто-то медленно проходит по коридору. Скрипит подошва. Звук удаляется.
- В убийстве, – наконец говорит Касиал.
- Кого?
- Посла.
- Какого посла?
- Человеческого.
- Я сначала думаю, что след перевода исказил смысл.
- Ваш город воюет с людьми.
- Война не мешает переговорам. Иногда помогает начать их быстрее.
- Вы вели переговоры о мире?
- Пытались.
- Касиал смотрит на свои цепи.
- Шесть месяцев назад на северной границе встретились представители короны и человеческих земель. Тайно. Без знамён, без армий. Посол людей привёз предложение о прекращении нападений на три лунных цикла. Мы должны были обменяться пленными и открыть дорогу для лекарей.
- Кто такие «мы»?
- Те, кто считал, что войну можно остановить раньше, чем она съест оба народа.
- Ты был на переговорах?
- Да.
- В каком качестве?
- Он улыбается краем губ.

- Не самое важное.
- Для тебя все важные ответы почему-то оказываются не самыми важными.
- Это привычка.
- Плохая.
- Согласен.

Я жду. Касиал не продолжает.

- Посла убили там?

– В ночь после второго дня переговоров. Ему перерезали горло в запертой комнате. На пороге нашли мой клинок. На теле – след моего Очарования.

- Ты его убил?

- Нет.

Ответ приходит сразу. Без паузы. Без попытки подобрать слова.

- Где ты был?

- В другом крыле крепости.

- Кто видел?

- Женщина, которой больше нет.

- Её тоже убили?

- Она исчезла.

- Как предусмотрительно.

- Для обвинения – очень.

Я опускаю взгляд на его руки. На правой ладони старый шрам, проходящий от основания пальцев к запястью. Там, где цепь натирает кожу, выступила кровь.

- След Очарования можно подделать?

- Теоретически.

- Практически?

- Нужно знать внутренний рисунок силы. Он у каждого свой, как лицо.

- Значит, кто-то знал твой.

- Или получил доступ к моей крови.

- Кровь была на клинке?

- Да.

- Твоя?

- Да.

- И клинок твой.

- Да.

- А дверь была заперта.

- Изнутри.

- Получается убедительно.

- На это и рассчитывали.

Я замечаю, насколько отработан его ответ, и раздражаюсь. Будто мы участвуем в допросе, который кто-то заранее написал.

- Почему тебя не казнили сразу?

– Потому что человеческая сторона обвинила корону в ловушке. Начались нападения. Потом осада. Совет спорил, кому выгоднее моя смерть: людям как доказательство вины или нашим военным как конец неудобных вопросов.

- А тебе?

- Мне смерть невыгодна ни в одном варианте.

Я ожидаю усмешки, но он не улыбается.

- Почему Пустота? – спрашиваю я. – Разве нельзя... не знаю. Отрубить голову?

– Можно. Но тогда останется тело, кровь, следы силы. Поцелуй уничтожает всё, что можно исследовать.

– То есть доказательства вместе с тобой.

Касиал медленно поднимает глаза. Вот теперь в них появляется что-то острое.

– Ты быстро понимаешь.

– Потому что это очевидно.

– Для Совета – нет.

– Для Совета удобно не понимать.

Он тихо смеётся. Смех обрывается, когда красная полоса на руке вспыхивает. Касиал сжимает зубы. Я встаю, беру кувшин.

– Вода поможет?

– Немного.

Наливаю в миску и ставлю рядом. Он пьёт. Несколько капель остаются на губах, смешиваются с кровью.

– Когда казнь?

– Через два дня.

– Ты вчера сказал «скоро», будто не знал.

– Я не хотел рассказывать это человеку, который только что провалился в мой мир.

– Благородно.

– Нет. Я хотел одну ночь говорить о дожде.

Ответ обезоруживает. Я сажусь обратно.

– Если ты невиновен, почему не бежал до суда?

– Пытался.

– Поэтому столько цепей?

– Отчасти.

– Получилось плохо.

– Наблюдательная.

– Иногда.

Он повторяет моё слово почти тем же тоном, с каким я произнесла его вчера. Мне хочется улыбнуться. Я не позволяю.

– Ты веришь мне? – спрашивает Касиал.

– Я не знаю.

– Честно.

– Но твоя казнь всё равно выглядит как попытка замести следы.

– В этом городе такая мысль считается почти изменой.

– Я уже в тюрьме. Ничего нового.

Касиал рассматривает меня, будто хочет что-то сказать. Вместо этого спрашивает:

– Что такое книга?

– Что?

Он кивает на пустое место, словно мой рюкзак всё ещё рядом.

– Ты упоминала предмет. Стражники нашли его среди вещей.

– У вас нет книг?

– Есть свитки, пластины памяти, храмовые стены. Слово, которым ты называешь свой предмет, новое.

Я объясняю: страницы, обложка, печать, библиотеки. Разговор снова уходит в сторону. Мы обсуждаем, почему бумага не рассыпается, сколько книг может храниться в одном доме и зачем мама положила в рюкзак роман, который я уже читала.

– Она боялась, что тебе будет скучно? – спрашивает Касиал.

– Мама боится всего заранее.

– Удобная способность.

– Для неё – нет.

Я замолкаю. Касиал тоже. Свет под потолком становится тусклее. В темнице наступает вечер, если это можно назвать вечером.

Через два дня его поведут на казнь. А я ничего о нём не знаю, кроме обвинения, рассказанного им самим, и того, что он уступил мне лежанку. Этого недостаточно, чтобы верить.

Достаточно, чтобы начать задавать вопросы.

ГЛАВА 9. КРОВЬ НА КАМНЯХ

Стычка начинается из-за хлеба. Позже это кажется нелепым. В темнице полно людей, которых пытаются, судят и готовят к казни, но первой искрой становится чёрная лепёшка, упавшая в воду.

Утром заслонка открывается. Молодой стражник проталкивает две миски и хлеб. Я узнаю его: он стоял у двери, когда меня привели. Светлые волосы, маленькие рога, на правой щеке россыпь веснушек. В этом мире веснушки выглядят почти вызывающе знакомо. Касиал обращается к нему на общей речи. Стражник отвечает.

След толкования за ухом ещё держится, но слабо. Я понимаю отдельные слова. Вода. Храм.

Приказ. Касиал говорит спокойнее. Стражник раздражается. Он поднимает хлеб, показывает Касиалу, потом намеренно бросает лепёшку в лужу у двери.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Он считает, что осуждённым не нужно много есть.

– А тебе?

– Я считаю, что он слишком молод для такой глубокой мысли.

Стражник понимает тон. Открывает дверь. Это против правил. Я вижу по лицу тюремщика, появившегося за его плечом. Старший хватает молодого за руку, но тот вырывается и входит в камеру. В руке у него короткая дубинка.

Касиал не встаёт.

– Не надо, – говорю я.

Молодой смотрит на меня. Я показываю на хлеб.

– Забери. Всё нормально.

Он слышит незнакомую речь и злится сильнее. Говорит что-то, указывая на Касиала.

– Что?

– Он спрашивает, нравится ли мне человеческая защитница.

– Передай, что она защищает его от глупости.

Касиал не переводит. Стражник подходит. Тюремщик в дверях приказывает ему выйти.

Молодой не слушает. Поднимает дубинку и бьёт Касиала по плечу. Цепи звенят. Касиал медленно поворачивает голову.

– Хватит, – говорю я.

Второй удар приходится по рёбрам. Касиал втягивает воздух, но остаётся сидеть.

– Он хочет, чтобы я ответил, – произносит он.

– Зачем?

– Тогда цепи ударят меня сильнее, а его друзья смогут сказать, что заключённый напал первым.

Стражник замахивается в третий раз. Я встаю между ними. Дубинка останавливается у моего лица.

– Ника, – жёстко говорит Касиал. – Отойди.

– Нет.

Молодой стражник смотрит на меня. Веснушки на его щеке почти детские. Он опускает дубинку. На секунду кажется, что всё закончилось. Потом над тюрьмой гремит удар.

Камеру встряхивает. Светящийся шар падает с потолка и разбивается у стены. Красный дым вырывается наружу. По коридору прокатывается крик. Камень над дверью трескается. Стражник оборачивается.

Из соседней галереи доносится металлический скрежет. Кто-то орёт приказ. Тюремщик захлопывает нашу дверь, но замок не успевает войти в паз. Пол уходит под ногами. Я падаю на лежанку. Молодой стражник ударяется плечом о стену.

Касиал вскакивает, насколько позволяют цепи.

– В дальний угол!

Коридор заполняет дым. Не красный, как от шара. Чёрный. В нём мелькает фигура.

Высокая, очень худая. На голове нет рогов, зато из спины под рваной одеждой торчат костяные выступы. Заключённый из другой камеры держит обломок цепи. На его запястьях болтаются разорванные браслеты. Он набрасывается на тюремщика. Тот успевает поднять металлический стержень. Синий свет бьёт беглеца в грудь. Запах горелой кожи заполняет коридор.

Беглец не падает. Он ударяет цепью. Тюремщик врезается в решётку.

Молодой стражник бросается к двери. Касиал что-то кричит ему на общей речи. Тот не слушает. Я вижу только куски происходящего: спину стражника, чёрный дым, блеск цепи. Потом беглец оказывается у двери нашей камеры. Его лицо изрезано тонкими шрамами.

Глаза белые. Он смотрит на меня. Останавливается.

Произносит слово, которое след толкования передаёт как «бездна». Касиал резко дёргает цепь на левой руке. Металл натягивается поперёк прохода. Беглец не замечает.

Молодой стражник бросается вперёд с дубинкой.

– Стой! – кричу я.

Поздно. Беглец поворачивается, уходит от удара и толкает стражника на цепь Касиала. Тот падает. Обломок в руке беглеца поднимается. Касиал бьёт ногой.

Цепь на лодыжке натягивается, но пятка достигает колена беглеца. Тот теряет равновесие. Обломок, нацеленный в грудь молодого стражника, входит ниже – под рёбра. Звук тихий. Стражник удивлённо смотрит вниз.

Беглец выдёргивает металл. Кровь сразу льётся на серую рубаху. Касиал хватается беглеца цепью за шею. Обматывает цепь вокруг предплечья и тянет беглеца к стене. Его собственный ошейник вспыхивает синим.

Касиал кричит. Но не отпускает. Тюремщик поднимается в коридоре. Синий стержень снова загорается. На этот раз удар приходится беглецу в голову.

Тело дёргается. Падает. Чёрный дым начинает рассеиваться.

Молодой стражник лежит у моих ног. Я опускаюсь рядом.

– Ника, не трогай! – говорит Касиал.

Я уже прижимаю ладони к ране. Кровь горячая. Её слишком много. Она проходит между пальцами, пропитывает серые штаны. Стражник хватается воздух ртом. Взгляд мечется, не находит меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.